

Ловушка для тигра

Автор:

Николай Мороз

Ловушка для тигра

Николай Мороз

Капитан Логинов угодил под суд за честно выполненный приказ. Его предали бывшие командиры – чтобы выкрутиться самим. Они сейчас взлетели очень высоко и могут купить судей, приговор и даже лояльность врагов. Капитан теряет все – дом, семью, друзей. По его следу идут те, с кем он когда-то воевал в одной из горных республик. Выбор у Максима Логинова невелик – пойти на заклятие или принять бой. Силы не равны и один в поле не воин. Но капитан принимает бой, начинает свою войну и вершит правосудие по своим законам. Отныне его судьба – судьба одинокого самурая.

Николай Мороз

Ловушка для тигра

Глава 1

– Входи, присаживайся! – Оплывший, с красным от жары лицом кадровик швырнул на стол основательно потрепанную папку, принялся развязывать на ней тесемки.

– Я постою, – буркнул Максим, мельком посмотрел на свое личное дело, прислонился к прохладной, покрашенной депрессивной синей краской стене,

перевел взгляд на окно.

Ключья паутины между рамами, два высохших на солнце тополиных листа, запутавшихся в решетке, – сколько раз за последний месяц он видел эту картину? Сегодня третий или четвертый? Ну да, четвертый, точно. Первые три закончились знакомством с очередными записями в служебной карточке – обычный и два строгих выговора подряд. Чем закончится сегодняшний визит в кадры? Третий строгач и логическое продолжение – неполное служебное соответствие? Или будем и дальше мотать друг другу нервы – ограничимся обычным выговором? Причины командование придумает самостоятельно, в штабе целая орава креативщиков впахивает, такие формулировки выдает – куда там заголовкам в желтой прессе! Так что расслаиваться нечего, все закончится очень быстро, как и неделю, и две назад. Почитаем, откомментируем – и на выход, подальше из душного, пыльного помещения.

Максим сделал вид, что зевает, покосился на кадровика-майора. А тот копался в извлеченных из папки бумагах, рассматривал каждую так внимательно, словно видел ее впервые в жизни. «Давай, не тяни», – Максим едва не выпалил это вслух, когда майор оторвался от созерцания служебной карточки.

– Ну, и что мне с тобой делать, Логинов? Тут у тебя целый букет нарушений, икебана какая-то, извиняюсь за выражение. Ни у кого больше такого нет. Ведь говорили, просили, как человека...

Максим речь кадровика знал наизусть, поэтому бесцеремонно оборвал старшего по званию. Чего бояться – за «пререкание» и «неподчинение старшему» выговор уже есть, можно сократить светскую беседу, свести ее к короткому диалогу.

– Рапорт писать не буду, – заявил Максим, посмотрел на приоткрытую дверцу набитого папками сейфа, уже заранее зная, что услышит в ответ. Пусть помучаются, сволочи, не дождутся. Давайте, лепите третий строгач, предупреждение о неполном служебном соответствии, и будет вам как зимой. Одно решение гарнизонного суда об отмене всех дисциплинарных взысканий уже есть, будет и второе, и третье... Сколько понадобится, столько и будет.

«Сам не уйду», – в очередной раз мысленно повторил Максим и снова посмотрел за окно. Серый бетонный забор с «егозой» поверху и толстый ствол тополя – вот и весь пейзаж, знакомый и отвратительный до тошноты. Как и те слова, которые

он услышит сейчас от вынужденного «оптимизировать» личный состав кадровика. И даже не сразу понял, о чем тот говорит, пропустил первые слова мимо ушей, самоуверенно решив, что и так знает ответ.

– Да не пиши, не пиши, черт с тобой, – не поднимая глаз от вороха документов, как-то очень спокойно, даже лениво ответил майор.

Максим уставился на кадровика, ухмыльнулся, пользуясь тем, что взгляд начальства устремлен в сторону. Это что-то новенькое – ни криков, ни угроз, так мирно их общение никогда не протекало. Даже не отчитал за форму одежды «номер восемь», впрочем, за это выговор тоже уже был. «Интересненько». Максим уже не торопил события, ему не терпелось узнать, какая подлянка ждет его на этот раз.

– Не пиши, – повторил майор, посмотрел наконец на посетителя и почему-то вздохнул.

Сгреб со стола бумаги, аккуратно сложил перед собой. Потом взял огрызок карандаша, покрутил в пальцах, отложил, полез зачем-то в ящик стола. Он явно не решался продолжать разговор, а Максим помогать кадровику не собирался, терпеливо ждал развития событий.

– Сколько тебе осталось?

Ответ на этот вопрос майору был отлично известен, но Максим, подчиняясь правилам игры, все же сказал:

– Полтора года.

– Вот и служи, – неожиданно быстро подхватил диалог майор. – Спецов и так почти не осталось, уволь няться никто тебя не заставляет. Служи, – еще раз сказал он и захлопнул ящик стола.

Максим даже растерялся – он не знал, как реагировать на услышанное. А кадровик снова углубился в чтение давно наизусть выученных бумаг и одновременно продолжал говорить ровным и нудным голосом:

– Звание очередное в срок получишь, а там, сам знаешь, жизнь с чистого листа начнется. Все взыскания аннулируются, чист будешь, аки слеза младенца. Квартиру получишь, ну и все как положено. Да сядь ты уже, не стой над душой.

Присесть и правда не мешало, настолько невероятным было то, что выдал сейчас кадровик. Максим отклеился от стены, шагнул к стулу и уселся на него не как обычно – верхом, а нормально, «по-человечески», как сказала бы Ленка. «Не поверит», – подумал Максим, представляя реакцию жены на то, что сказал сейчас майор. А тот монотонно продолжал:

– Ну, бывает, погорячились, сам понимать должен. Я что, сам, что ли, по своей инициативе, оргштатные провожу? Да у меня за каждого из вас чуть не до драки с командиром доходило, веришь? – неожиданно горячо и искренне высказался кадровик и пристально посмотрел на Максима бесцветными глазками из-под белесых редких бровей.

«Не верю». Максим еле сдержался, чтобы не произнести это вслух, лишь кивнул головой неопределенно. Он все пытался понять: где поганка зарыта? Так не бывает – летом не идет снег, люди не летают, как птицы, а вот так взять и резко сдать назад могло заставить командование что-то очень важное. Даже не так – непонятное и неожиданное, пугающее своей внезапностью. Осталось только выяснить, что именно и почему именно капитану Логинову отведена не последняя роль в этом спектакле. Майор между тем сложил все бумаги в папку, аккуратно завязал узелок из растрепанных тесемок, повернулся к сейфу, покопался там с минуту, обернулся и, как фокусник, извлек из воздуха початую бутылку водки и два почти чистых стакана.

– Употребление спиртных напитков в служебное время, – Максим произнес это механически, таким тоном врач ставит несложный диагноз и отправляет пациента на амбулаторное лечение.

Майор коротко рассмеялся, замолчал, прислушиваясь к доносящимся из коридора звукам. Но все было тихо, и Максим только сейчас сообразил, в чем состояла одна из странностей сегодняшней беседы – время было обеденное. В штабе не осталось никого, кроме дежурного офицера, все разбежались по домам. А то, что начальник отдела кадров жертвует горячим питанием ради ядовитого, несговорчивого капитана, не могло не насторожить. Впрочем, виду Максим не подал, уже почти с детским любопытством ждал, что будет дальше.

– Мы быстро. И тихо. – Кадровик ловко разлил водку по стаканам, один пододвинул к краю стола, сам поднял другой.

Максим взял стакан, поставил на ладонь одной руки, прикрыл второй. И приготовился ждать тоста.

– Давай, – приглушенно скомандовал майор, влил в себя примерно половину содержимого стакана, скривился, выдохнул. Закусывать традиционно было нечем.

Максим поднес стакан к губам, но пить не стал, чуть поморщился, вернул емкость с водкой в исходное положение. Майор маневра не заметил, он снова гремел содержимым ящиков стола, но поиски чего-нибудь съедобного результатов не дали. Значит, импровизировал, заранее не подготовился. Почему? Решил, что и так сойдет, или нечто произошло совсем недавно, перед тем как Максим в очередной раз оказался в кабинете кадровика? А ведь у майора проблемы с поджелудочной, об этом всем хорошо известно. И вот так, не щадя своего без того слабого здоровья, пить в жару, да еще и на голодный желудок...

– Ты что думаешь, мне самому не страшно? Еще как страшно! Выкинут к чертовой матери в чисто поле без квартиры – хоть в землянке живи. Или в тайгу, или в тундру – туда всегда пожалуйста, вакансий навалом. А у нас план по сокращению, к твоему сведению, есть. Сорок процентов – куда хочешь, туда и девай, – пожаловался на свою нелегкую долю кадровик и попутно разгласил небольшую военную тайну.

Максим молча слушал, но уже чувствовал, что терпению подходит конец. Даже не терпению – надоело это дешевое кривляние пожилого человека, вынужденного таким способом доказывать преданность и лояльность руководству. Максиму даже стало немного жалко взопревшего от жары и спиртного кадровика. А тот продолжал изливать душу и делал это почти искренне:

– Я ж человек подневольный, приказ выполняю, только и всего. Если бы от меня хоть что-то зависело, никого бы из ваших не тронул. Из группы-то ты ведь один остался, правильно?

Максим кивнул еще раз: да, из группы, которой он командовал, кроме него, действительно никого не осталось. Кто «по собственному», кого по несоблюдению условий контракта... А то, что у людей опыта, званий и наград, как у дурака фантиков, так на это всем плевать. Даже не плевать... Ладно, не будем лишний раз выражаться, подходящие слова и отношение к происходящему всем давно известны. Максим сжал ладонью стенки стакана, посмотрел на серый потолок, потом себе под ноги. И покосился на наручные часы: обед скоро закончится, пора бы и закругляться. «Давай уже, выкладывай, скотина, что у тебя там. И не пей больше, еще обвинят меня в том, что я тебя до приступа довел. А это уже уголовщина, причинение вреда здоровью». Мысленный посыл Максима помог. Майор влил в себя остатки водки, грохнул дном стакана по столу:

– Все, Логинов, иди, дослуживай. Все у тебя нормально будет, полтора года перекантуешься как-нибудь. Только... – И майор осекся, уставившись на гладкую поверхность стола.

Вот оно, наконец-то. «Только» – как много в этом звуке, ради него и длилась эта вся почти полуторачасовая канитель. Максим поставил стакан на стол, запихнул руки в карманы камуфляжных штанов, развалился на стуле. Ну давай, майор, на бис, аплодисменты будут, не сомневайся. Кадровик – туповатый служака, обрюзгший мужик лет сорока восьми – все прекрасно понял. Покраснел еще сильнее, сжал зубы, сдерживаясь, чтобы не заорать по привычке. Но справился с собой – истерика в сценарии этой беседы не предусматривалась. И заговорил глухо, сквозь зубы, не глядя на уже открыто улыбавшегося Максима:

– Тут такое дело... Тебя касается, кстати. Ты помнишь, тогда, три года назад, когда вы... ты... Ну, сколько их там тогда было? Пятеро?

– Шесть человек, из них две женщины, – перебил кадровика Максим. – Все я помню. И приказ помню, и того, кто мне его передал. Я еще три раза переспрашивал, три раза подтвердили. Все мои люди слышали, не только я, они подтвердить могут. А что случилось-то? – Максим сделал вид, что очень удивлен.

– Такое дело, – невнятно проблеял майор, и было видно, что слова Максима уничтожили в нем остатки решимости. Не помогло даже выпитое, теперь Максим уже не сомневался, «для храбрости».

– В общем, родственники их в суд подали. Справедливости хотят. И компенсации. Денег им уже дали, но этого мало оказалось. Кто-то за смерть их родственников ответить должен, закон у них такой. Ну, ты и сам знаешь, не мне тебе рассказывать... – Эти слова майору дались нелегко, он долго их подбирал. Выговорил все и замолк с облегчением, откинулся на спинку стула, давая возможность собеседнику сделать свой ход.

Но Максим не торопился, обдумывал услышанное, вспоминал. Хотя чего тут вспоминать – тот день он забудет не скоро, если такое вообще возможно. Не остановившаяся по его приказу машина обстреляна, водитель и почти все пассажиры убиты. О приближении машины было известно заранее, а «Нива» неслась на огромной скорости и сбила одного из бойцов Максима и его самого, бросившегося наперерез. Да, машина еще и скорость потом увеличила, уйти пыталась, пришлось стрелять. Если так ведут себя мирные жители, которым, по логике, нечего опасаться досмотра, то он – солист ансамбля песни и пляски Советской Армии. А то, что в машине ни оружия, ни взрывчатки не оказалось, так это ничего не значит – стволы могли находиться в схроне, куда и прорывалась машина, а наличие женщин с целью прикрытия в подобных группах – дело обычное. Главари боевиков, чтобы прощупать обстановку, всегда пускают впереди машину с «мирными жителями». Тем более это была засада, а расстрел свидетелей места устройства засады разведгруппы – нормальное явление во время войны, отвечающее всем канонам и нормам обеспечения скрытности. Да и приказ, который повторили трижды, не оставил сомнения в том, что тем, кто наверху, виднее. Пусть они и отвечают.

– А я тут при чем? – безразлично поинтересовался Максим. – Кто командовал, с того и спрос. Я человек подневольный, приказ выполнял: не допустить прорыва из окруженного села, где находился один из главарей боевиков. И выполнил. Кстати, трое еще живы были на тот момент, когда я обстановку докладывал, мы им даже первую помощь оказали.

– Да-да, – кадровик согласно закивал головой. – Выполнял. Вот только тот, кто приказ тебе отдал, демобилизовался давно, да и где его теперь найдешь...

– Ты мне лапшу-то не вешай. – Максим рывком выпрямился на стуле, подался вперед, хлопнул ладонью по столу. – А то я не знаю, кто такие приказы отдавать должен. Руководитель операции это был, полковник, только фамилию его я забыл. То ли Стрельченко, то ли Стрелков – не помню точно. Зато Устав знаю и то, кому я подчиняться должен, тоже. Я все правильно сделал. Ищите полкаша

того и родственникам тех, кто по его приказу погиб, сдавайте. Ни я, ни люди мои тут ни причем. Все, я пошел. – Максим вскочил на ноги, отпихнул к стене стул.

– Да погоди ты, погоди. – Кадровик тоже поднялся, но слишком резко, поэтому сразу же плюхнулся назад, едва не промахнувшись мимо стула.

Максим остановился в дверях, чуть повернул голову.

– Никто тебя ни в чем не обвиняет, выполнял приказ – вот и правильно. Ты пойми, от родственников тех убитых так просто не отделаешься, надо им кость кинуть, чтобы отстали. Ты вот что...

Майор со второй попытки выбрался из-за стола, заковылял к Максиму, заставил снова усесться на стул. Сам пристроился на краю стола, приблизился почти вплотную, так что от запаха сивухи Максим скривился. Кадровик, не обращая внимания на реакцию капитана, зашептал несвязно:

– Суд уже назначен, здесь проходить будет, вся родня тех убитых сегодня приехала. Тебя, как единственного свидетеля, – заметь, свидетеля, – вызовут. Ты вот что, дави на то, что слышно было плохо – шум, помехи в эфире. Кто приказал, что приказал – непонятно. Времени прошло много, никто ничего не помнит. Если понадобится, то справку тебе сделаем: плохо видишь, плохо слышишь, с памятью проблемы. Молчи, самое главное, и мы промолчим, – уже еле слышно пообещал майор. И снова, сбиваясь, заговорил: – А как суд закончится, дослужишь как положено, все получишь, уедешь к Москве поближе...

Закончить кадровик не успел. Максим рассмеялся негромко, глядя в пьяные, покрасневшие от напряжения глазки кадровика, снова поднялся со стула. Провел ладонью по губам, чуть прикусил себя за палец, чтобы успокоиться, и тихо ответил:

– Кость – это я, так ведь? Хорошо придумали, молодцы. Я их законы хорошо знаю, меня правосудие их меньше всего волнует. Вернее, они и слова-то такого не слышали. Им человека на части порвать – что тебе курицу разделать. Прикрыться мной решили? Хрен вам, скотам!

Вытянутый в недвусмысленном жесте средний палец оказался перед глазами кадровика. Майор в изумлении свел к переносице оба глаза, пытаюсь понять, как это вообще может быть – в его кабинете и вдруг такое? Ему... начальнику отдела кадров... какой-то капитан... Но Максима было уже не остановить, теперь-то уж точно терять ему было нечего – здесь уже не просто неполное служебное несоответствие светит, а досрочное увольнение в запас со всеми вытекающими. Черт с ними, пусть подавятся. Переживем как-нибудь, не пропадем.

– Ты хозяевам своим так и скажи: пусть идут на... – Максим сдержался, сквернословов он не выносил да и сам матерился крайне редко. «Не порти карму», – говорила ему в таких случаях Ленка, а жену Максим любил, и к словам ее прислушивался. Да и не тот сейчас случай, чтобы одним в запале сказанным, неосторожным словом портить себе и без того непростой цикл грядущих рождений и воплощений. Но о жестах в индийской религии и философии не упоминалось, поэтому кары за комбинацию из пальцев можно не опасаться.

– Я молчать не буду, – пообещал Максим. – Скажу все, что знаю. Родственники, если захотят, сами все выяснят – и фамилию, и место жительства того, кто операцией тогда командовал. Я выполнял приказ полковника, – повторил Максим, – с него и спрос.

В коридоре слышались голоса, звуки торопливых шагов, кто-то остановился рядом с дверью соседнего кабинета, зазвенел ключами. Майор словно очнулся, уставился на непокорного капитана исподлобья и сделал последнюю попытку уговорить строптивца:

– Да ты хоть представляешь, что с тобой будет, если ты не согласишься, дурак? Даже не с тобой – с семьей твоей. Дочери твоей сколько – девять лет, кажется? Ты их видел, тех, родственников? Им ее только покажи да фамилию твою назови – и все. Хорошо, если... – Кадровик попятился, наткнулся задницей на стол, плюхнулся на него, вытаращил глаза.

Максим мгновенно оказался рядом, брезгливо, двумя пальцами взял его за отворот форменной зеленой рубашки и тихо, с расстановкой, произнес:

– Я-то их видел чаще и ближе, чем тебя, сволочь. В разных видах, живых и не очень. Если хоть одна тварь к моей дочери или жене подойдет, я тебя сам родне тех убитых отдам. Живым и, по возможности, здоровым. Поэтому не пей и

поджелудочную свою лечи, чтобы раньше времени не загнуться.

Пальцы левой руки непроизвольно сжались в кулак. От греха подальше пришлось убрать руку за спину, отпустить жертву. Еле живой от страха кадровик зашевелился, попытался сползти со стола, но Максим стоял слишком близко. Майор затих, смотрел почти жалобно, как пойманный хозяином за поеданием дохлятины пес. Максим направился к дверям, но остановился на полпути.

– Придурок ты, Логинов, какой же ты придурок! – прошипел ему вслед майор.

Максим не стал отвечать, давно пора было прекратить это представление. Сам виноват, сработал глубоко сидящий в сознании постулат: не ждать подлянки от своих, грубо говоря, надеяться, что дерьмо пахнет фиалками. Уж к тридцати пяти годам мог бы сообразить, что так не бывает и запах у этой субстанции всегда и везде один и тот же, так нет – все ждет чуда. И вот дождался, в очередной раз наступил на милые сердцу грабли. А майор просто так отпускать Максима не желал, жаждал сатисфакции за пережитое унижение.

– Дебил, урод конченный! – уже не сдерживаясь, визжал он. – Тебя по-хорошему просили, по-человечески! Помогли бы, поддержали, а ты все, как муха на стекле, выделяешься! Допрыгаешься когда-нибудь, капитан! И майором ты никогда не будешь!

Максим вернулся к столу, схватил наполовину полный стакан с водкой, выплеснул содержимое в красную от злости рожу кадровика. Тот немедленно заткнулся, зажмурился нелепо, замотал головой. Максим швырнул посуду на пол.

– Я знаю, – спокойно и вежливо ответил Максим, – даже спорить не буду. Всего вам доброго.

И вышел, наконец, из ненавистного кабинета, быстро прошел по коридору, сбежал вниз по лестнице. Кивнул на выходе знакомому дежурному офицеру, выскочил на крыльцо штаба. Все, теперь точно все, карьера закончена. Квартиры не видать, а ведь все последние месяцы упирался и бодался с начальством Максим только ради возможности обрести, наконец, собственное жилье. Съемные углы достали, им давно перестали вести счет. Дошло до того,

что дочь однажды, возвращаясь из школы, перепутала улицы и дома. Ленка встретить ее не смогла: на работе образовался очередной завал, а Максим, как обычно, отсутствовал. Васька – Василиса – долго бродила под окнами их бывшего жилья, потом разревелась на весь двор. Хорошо, нашлась добрая душа, отвела девчонку «домой».

– Потерпи, пожалуйста, – узнав об этом, в который раз попросил жену Максим, и она, в который уже раз, пообещала потерпеть.

И вот теперь ждать уже нечего, последний рубеж обороны сдан, придется отступать, уезжать в Александров – небольшой городишко во Владимирской области, где Ленке от деда по наследству досталась крохотная квартирушка в старой блочной хрущевке. Максим хорошо ее помнил. И черт бы с ним, с состоянием квартиры, – ремонт можно сделать и самому, но в ней было так темно и сыро... Пещера, склеп – что угодно, только не человеческое жилье. Васька туда даже войти побоялась, да и неудивительно, квартира угловая, первый этаж, две смежные комнатенки и кухня размером со скворечник. По коридору Максим пробирался боком и, на всякий случай, пригнувшись. И, в довершение картины, глухая стена напротив окон – то ли склад, то ли производственные помещения. От мысли о том, что в этом «жилье» придется провести остаток жизни, становилось тошно. Эту квартиру планировалось продать, потратить деньги на ремонт новой, но все получилось не так, как хотелось. Теперь придется уезжать, да еще и неизвестно когда: если будет суд, то переезд придется отложить на неопределенный срок.

Максим прошел КПП, оказался за территорией части. Мысли захлестывали одна другую, в голове образовался хаос. Нет, так не пойдет, нужно поскорее разобраться в изменившейся обстановке, определить цели, задачи и приоритеты. И решить для себя, что делать дальше, как поступить, что сказать жене. И выяснить, где Васька, Максим остановился, достал из кармана телефон, нашел нужный номер, нажал кнопку вызова. Через три гудка трубка ответил звонким недовольным голосом:

– Привет, пап. Я у Иры, мы кино смотрим. Дома ее бабушка, она сейчас в магазин ушла. Мама пока не звонила, – закончила доклад дочь и замолчала, ожидая указаний.

– Привет, – отозвался Максим. – У вас дверь закрыта? Вы проверяли? – И улыбнулся, услышав в ответ возмущенный крик.

– Да, да, проверяли! – завопила Васька, и фоном к ее ору раздался голос второй девчонки и писклявая речь, доносившаяся из динамиков телевизора – Максим оторвал обеих от просмотра мультиков.

– Все, я тебя понял, молодец, – примирительно ответил Максим и скомандовал: – Потом сразу домой. Тебя встретить? – И тут же пожалел о сказанном.

– Ира живет в соседнем доме, я сама дойду! – почти плача, прокричала Васька и отключилась.

Максим посмотрел на дисплей, убрал телефон, неторопливо зашагал по усыпанной тополиными листьями дорожке. Ленка с Васькой уже привыкли к его странностям. Ну не мог он ни спать, ни есть спокойно, если не был в курсе о всех перемещениях членов своей семьи: куда, зачем, с кем, когда вернется? Максим знал в лицо и по имени всех, с кем сталкивала его жизнь, – одноклассников и подруг дочери, коллег жены, соседей. Не только помнил внешность всех и каждого, но не забывал и ставшие ему случайно известными факты их биографий, ситуации и проблемы. Эти люди не были для Максима посторонними – они составляли его окружение, а о тех, кто оказывался рядом, он должен был знать если не все, то многое, чтобы оценить и понять, насколько опасен или, наоборот, безвреден может оказаться тот или иной человек. Но предложить жене и дочери каждый день возвращаться с работы и из школы другой дорогой, не повторять ежедневно один и тот же маршрут, не решался. Справедливо чувствовал, что в этом вопросе понимания не встретит, поэтому психовал втихую. Особенно когда был в отъезде. И звонил, звонил по пять раз на дню, слушая крики Васьки и спокойный, ровный голос жены. «Надо сказать ей, предупредить», Максим резко сменил курс, свернул на протоптанную между домами тропинку.

Ленка работала бухгалтером в небольшой торговой конторе, офис находился недалеко от их очередного «дома». Но разговора не получилось: Максим приоткрыл дверь в кабинет и сразу попятился. Небольшая комнатенка оказалась набита кричащими людьми, Ленку в этом хаосе было не разглядеть. Очередной аврал, подготовка отчетности – горячая пора. Максим набрал номер, поднес трубку к уху.

– Я на работе, – ответила Ленка, даже не стараясь перекрыть шум.

– Я знаю, – ответил Максим, – я тут за дверью стою, а войти боюсь. Что у вас случилось?

– Боится он, надо же! Работаем мы, – ответила жена, и раздались короткие гудки.

Максим отошел от двери, оперся на подоконник, посмотрел в окно и сделал вид, что не слышит тихих шагов за спиной, позволил Ленке подойти близко, обернулся в последний момент. Вид у нее замученный, светлые волосы растрепаны, глаза покраснели от постоянного созерцания цифр в мониторе. Но улыбается, хоть и не очень радостно. Уже хорошо.

– У тебя что? – с места в карьер приступила к допросу жена, отошла чуть в сторону, за огромный развесистый куст, растущий из кадки в центре коридора. – Давай колись, по глазам вижу: что-то случилось.

– Жить поедem в Александров, – одним духом выпалил Максим. – Ничего не вышло.

– Да? Ну и черт с ним. И в Александрове люди живут, – мгновенно согласилась Ленка, взяла Максима за руку. – Фиг с ним. Давай только поскорее, Ваську в школу устраивать надо, чем раньше переедем, тем лучше.

«Раньше не получится», – хотел ляпнуть Максим, но вовремя сдержался. Говорить о предстоящем суде, о появившихся в городе «детях гор» он не хотел. Скорее даже не мог, не имел права. Это была его работа, его дело, и подпускать туда близких он не собирался.

– Хорошо, – только и ответил он, – я забыл про школу. Завтра же напишу рапорт.

И подумал, что, может быть, это выход: быстренько распрощаться со службой и уехать вольным, безработным человеком на новое место. И избежать встречи с все еще живущими по средневековым законам людьми. «Да ты хоть представляешь, что с тобой будет, если ты не согласишься? Даже не с тобой – с семьей твоей». Сказанные недавно кадровиком слова заставили стиснуть зубы. Максим отвернулся, сделал вид, что рассматривает сочный зеленый куст, провел кончиком пальца по пыльной поверхности листа.

– Что еще? – Ленка приподнялась на цыпочки, решительно взяла мужа за плечи, заставила обернуться. – Говори, не тяни. Квартиру ограбили, Феклу убили?

Максим даже попятился от неожиданности. Готовность жены к любому повороту событий вызвала восхищение ею и злость на себя одновременно.

– Нет, что ты выдумываешь? Ничего, нормально все. Так, вспомнилось кое-что, музыка навеяла, – торопливо заговорил Максим, но Ленка пристально смотрела на него серыми глазами, даже не моргала.

Сеанс гипноза прервал крик из-за открывшейся двери кабинета.

– Лен, там поставщик звонит, у него на счет-фактуре не все реквизиты пропечатались! – истошно завопила в пространство выскочившая в коридор девушка. – Что ему сказать?! – Она крутила головой по сторонам, высматривая Ленку.

Следом вышли еще несколько человек, в коридоре стало шумно, и Ленка сжалась над мужем.

– Так, иди домой и жди меня там. Никуда не ходи, я постараюсь вовремя уйти, – распорядилась она и рванула на крик.

Максим отсиживался за растением до тех пор, пока дверь в кабинет не захлопнулась. Потом выбрался из-за укрытия, постоял немного под дверью кабинета, прислушиваясь к голосам, и пошел прочь.

«Дома» все было тихо и спокойно. Васька еще была в гостях – об этом она сообщила сама, позвонила, отчиталась. И позволила встретить себя, но через час, не раньше. Встретила Максима только Фекла – беспородная красавица-трехцветка, собственноручно подобранная им на улице кошка. Жалкий заморыш превратился в настоящую королеву и вел себя соответственно. Сухой и готовый корм животное есть отказывалась, предпочитала свежую курятину. И – что странно – ловила мышей, удирала иногда в подвал и всегда возвращалась с добычей.

– Вот что значит дикое существо! Кровь предков! – говорила Ленка, хладнокровно взирая на то, как кошка изящно расправляется с трофеем под столом в кухне.

Максим однажды попытался прекратить вакханалию и отнять у кошки полуобглоданный труп грызуна, но сдался, отступил – рассерженная зверюга жутко шипела и сверкала глазами, прижимая лапой добычу к плинтусу. Если не считать этого недостатка, то в остальном Фекла манерами и внешностью могла дать фору любой породистой кошке.

– Привет, моя хорошая!

Максим взял кошку на руки, захлопнул дверь. Вошел в кухню, уселся на табурет, прислонился к стене. Фекла урчала, топталась на коленях, укладываясь, размахивала хвостом, не зная, куда бы лучше его пристроить. Потом угнездилась наконец, успокоилась. Максим погладил кошку по спине, прикрыл глаза. «Завтра же с утра первым делом напишу рапорт», – принялся он по привычке планировать свои действия. – «Его подпишут быстро, даже рады будут, что легко отделались. Потом про деньги надо узнать, с квартирной хозяйкой рассчитаться и валить отсюда. Права Ленка, и в Александрове люди живут. Ничего, придумаю что-нибудь». Максим вздрогнул от сильного толчка. Фекла, привлеченная шумом в подъезде, спрыгнула на пол и рванула в коридор, как собака, только что не зарычала. И почти сразу вернулась назад: все спокойно, хозяин, можно не волноваться.

– Пора Ваську встречать, – сказал кошке Максим и, хоть до назначенного времени встречи оставалось еще больше четверти часа, собрался и вышел из дома.

Девчонки опередили его – качались на качелях посреди двора. Максим подошел неслышно, остановился неподалеку. Ира, темноволосая, толстенькая, вечно чем-то недовольная, на год старше Васьки, сейчас веселилась вовсю, смеялась громко, запрокинув голову. Дочь что-то говорила ей и тоже хохотала, не замечая остановившегося рядом отца. Первой его заметила Ира, замолчала, поздоровалась и прекратила раскачиваться.

– Пап, ты чего так рано? – возмутилась Васька. – Мы же договаривались... – Серые, как у матери, глаза она прищурила по-отцовски.

– Да я просто так вышел. Могу я тоже погулять? – оправдывался Максим, а сам косился по сторонам. Кто этот человек, идущий через двор, что ему надо? А эта псина – чья она? Породистая, но без поводка и намордника, и черт знает, что у нее на уме. И что за машина остановилась перед домом, почему никто не выходит и не садится в нее?

– Можешь, – разрешила дочь, – пожалуйста, гуляй сколько хочешь.

Максим уселся на бортик песочницы, слушал болтовню девчонок и смотрел по сторонам, замечая и слыша все вокруг себя – движения, звуки, даже запахи. Васька рассказывала подружке о том, как правильно ездить на лошади. Оказывается, главное – крепко держаться за гриву и смотреть вперед, между лошадиных ушей. Максим отвернулся, чтобы дочь не видела, как он улыбается. Сам он верхом ездил отлично, научился еще в школе и даже «допрыгался» в конкуре до кандидата в мастера спорта. Потом, правда, долгое время Максиму было не до лошадей. Но в седле он держался уверенно и при первом же удобном случае сажал вместе с собой Ваську. Она вцеплялась обеими руками в переднюю луку седла, повизгивала при каждом шаге животного. А потом с поросычьим восторгом кормила с ладони лошадь яблоком или морковкой, пищала от прикосновения к руке теплых мягких конских губ.

Толстеньякая Ира слушала сбивчивую Васькину речь и завистливо вздыхала. Так и гуляли втроем до тех пор, пока в конце улицы не показалась Ленка. Васька распрощалась с подругой, спрыгнула с качелей, рванула к матери, Максим двинулся следом. И продолжал украдкой осматриваться по сторонам, обернулся на резкий звук, оступился на ровном месте и едва не упал.

– Под ноги смотреть надо, товарищ капитан, – назидательно произнесла Ленка и взяла мужа под руку.

– Надо, – согласился он, следя за бежавшей к дому Васькой. – У тебя все нормально?

– Ну, в общем да. Если не считать, что премию нам не дадут – хозяин передумал, – ответила Ленка.

Премия? Да черт с ней, переживем, сейчас не это главное. Важно другое, но задать вопрос напрямую Максим не решался, все на свете имеет предел, даже

безграничное Ленкино терпение. Спросить вот так, в лоб: «А не следил ли за тобой кто-нибудь?» или «Не заметила ли ты чего-то подозрительного?» – Максим не мог. Хотя самому следи за ними, а Ваську в таком случае вообще из дому не выпускать. Ага, попробуй... Каникулы, погода отличная, удержишь ее, как же! От мыслей отвлек голос жены – и свой вопрос, кажется, она повторила уже дважды:

– Мне заявление на увольнение с какого числа писать? Могут отрабатывать заставить две недели. Макс, ты меня слышишь? – И остановилась резко.

– Что? А, да хоть с завтрашнего, – очнулся Максим. – Про две недели я не знал, не хотелось бы. Как только рассчитаешься, сразу уезжаем.

– Тебя-то самого отпустят? – поинтересовалась Ленка, и Максим уверенно кивнул головой, улыбнулся невесело.

– Отпустят, еще и платочком вслед помашут, на радостях, – отозвался он и за руку потащил жену к дому. – Пошли быстрее, я есть хочу, и Фекла там голодает, – говорил он на ходу.

– Мог бы ей мышь поймать, – проворчала Ленка, – а сам ее курицей пообедать. Холодильник открыть не судьба?

Васька давно скрылась в подъезде, и Максим почти бежал к дому. В тамбуре темно, дверь в подвал вечно открыта, и черт его знает, кто может поджидать десятилетнюю девчонку в темноте. Но все обошлось, Васька уже стояла на лестничной площадке второго этажа, рядом терлась Фекла, настораживала уши.

– Тебе сколько раз говорить: вошла в квартиру, закрывай дверь! – набросился на дочь Максим, но Васька пропустила его слова мимо ушей.

– Ну все, все, мы уже пришли, – отозвалась вместо нее Ленка, вошла вместе с дочерью в квартиру.

Максим дождался, когда следом за ними прошествует кошка, переступил порог последним, захлопнул за собой дверь. Слава те, Господи, все дома, можно выдохнуть. И приготовиться к завтрашнему дню, а от того, что он принесет с

собой, будет зависеть очень многое.

Удивить или хотя бы сбить с толку Максима было сложно, но, как оказывается, очень даже возможно. Для этого достаточно нескольких слов, написанных над неровными строками его рапорта «по собственному»: «Отказать. Рассмотреть на дальнейшее прохождение службы». Максим несколько раз перечитал резолюцию, потом зачем-то перевернул лист, осмотрел изнанку. Словно искал «Удовлетворить по существу» – стандартную формулировку соглашения между командиром и подчиненным. Но зря – пожелание кадровика «служить» отдавало чем-то нехорошим, не то тухлинкой, не то горечью. И опасностью, еще непонятной, невидимой пока, но близкой и неотвратимой. Максим аккуратно сложил завизированный рапорт, убрал его в папку. Достал чистый лист, устроился на подоконнике и написал еще одно прошение – точно такое же, как и первое. Для того чтобы к вечеру получить бумагу с идентичной резолюцией. Два рапорта-близнеца лежали в папке, Максим неторопливо шел к дому. Еще полгода назад подобная резолюция на рапорте «по собственному» была бы немыслима. Все это было не просто странно, Максиму казалось, что он стал действующим лицом какой-то жутковатой игры. И правил в ней нет, вернее, они будут придумываться в процессе, на ходу, сочиняться под каждый шаг актеров. Заранее спрогнозировать ничего нельзя, можно только ждать и действовать по обстановке – подчиняться, сопротивляться или пытаться ускользнуть. Был и еще один вариант – попытаться изменить обстоятельства «под себя», но на этот шаг Максим решиться не мог. Будь он один, тогда ладно, можно было бы рискнуть, но думать сейчас приходилось не только о себе. Остается ждать стартового выстрела и не прозевать первый ход.

Ожидание не затянулось, родственники погибших проявляли нетерпение. А также наглость, нахрапистость и нежелание даже выслушать другую сторону: они пострадавшие, и все тут, остальные должны быстро выполнять их пожелания. Зал суда был заполнен под завязку, Максим пытался высмотреть в толпе знакомые лица, но тщетно. Заполнившие зал непрерывно гудели, из ровного гула выделялись гортанные крики, без конца звонили мобильники. Секретарю стало плохо, но, вместо того чтобы открыть окно, женщину обвинили в неуважении к собравшимся. Ей наскоро оказали первую помощь, и после паузы заседание возобновилось, чтобы тут же прерваться: пострадавшие потребовали заменить присяжных. Адвокат семей убитых заявил, что необходимо сформировать коллегия по территориальному принципу. Присяжным «пострадавшие» заявили отвод, требуя «своих» – для преступлений,

совершенных на территории республики, присяжными должны быть местные жители.

– А если это сделать невозможно, – визгливо вещал низкорослый кривоногий человечек, – то дела подлежат рассмотрению в ином, установленном законом составе суда.

«Если невозможно, то суд должен проводиться в открытом режиме, на повороте дороги от селения N к аулу M, в присутствии вооруженных легким стрелковым оружием местных жителей. Охрану подсудимых обеспечить установкой их перед возведенной из красного (он красиво крошится пулями) кирпича стенкой. Беспристрастность суда обеспечить равным количеством выданных боеприпасов для всех участников восстановления справедливости». Максим улыбнулся своим мыслям. И в очередной раз подивился собственному безразличию к происходящему. Комедия, цирковое представление, фарс – все что угодно, только не судебное заседание. Он не мог заставить себя воспринимать происходящее всерьез, с трудом скрывал ехидную улыбку, отвечая как свидетель на вопросы. Пострадавшие даже не утруждали себя тем, чтобы выслушать его слова, орали в спину. Максим не оборачивался, не отвечал на выпады, даже когда среди бессвязных выкриков раздались угрозы и оскорбления. И не только в его адрес – на втором или третьем заседании кто-то злобно выкрикнул имена его жены и дочери. Он всмотрелся в толпу, чтобы увидеть кричавшего, но с тем же успехом он мог пытаться высмотреть в рое ос ужалившее его насекомое. И рядом никого из тех, кто был «своим»: в ходе заседания выяснилось, что все, кто был тогда с Максимом, кто отдавал приказ, не могут присутствовать в суде. Уволены, демобилизованы, не явились по уважительным причинам – Максим остался один на один с полуграмотной, вырвавшейся из Средневековья ордой. «Так не бывает, – крутилось у него в голове с утра до вечера, – этого не может быть». Но это было и продолжалось, и конца ужасу не было видно. Защитник жалко улыбался, мял бумаги, пытаясь перекричать шум и вопли. Максиму казалось, что он на свалке и над головой с карканьем кружит стая потревоженных ворон, но пока не решается напасть на жертву, словно ждет сигнала. И час настал – на одном из заседаний Максим из свидетеля превратился в обвиняемого. Он не смог объяснить, убедить сторону обвинения в том, что трудно удерживать в памяти все подробности боя, произошедшего несколько лет назад. Вопросы ставились так запутанно, что их смысл зачастую уловить было трудно. Пострадавшие требовали провести следственный эксперимент. Максим сразу догадался, что делали они это с единственной целью – запутать суд. К счастью, им отказали, и защитник Максима чуть не захлопал в ладоши, услышав это решение.

Но победа оказалась первой и последней. В тот день из зала суда Максим вышел уже обвиняемым, мерой пресечения ему выбрали подписку о невыезде. Максим расписался не глядя в каких-то бумагах, попрощался со взмыленным, едва переводившим дух защитником и пошел домой. Ленка не работала уже три недели и теперь медленно, но верно сходила с ума от накалявшейся обстановки. Максим торопился увидеть жену, рассказать о том, что произошло сегодня: он запретил Ленке даже подходить близко к зданию суда. Он чувствовал себя персонажем идиотского комикса – настолько нереальной и противоестественной была ситуация, в которой он оказался. И не сразу заметил, что по противоположной стороне улицы идут трое – замедляют и убыстряют шаг синхронно с ним, так же останавливаются и отворачиваются. «Мать твою! – Максим даже рассмеялся вполголоса. – Ладно, давайте поиграем». Максим неторопливо двинулся дальше, остановился у ларька, сделал вид, что рассматривает газеты. Дождлся, когда подъедет троллейбус и закроет собой обзор, рванул в ближайший магазин. Выходов из торгового центра было несколько. Максим поднялся на эскалаторе, пересек зал, спустился по обычной лестнице, вышел с другой стороны здания. Понаблюдал, как рядом с газетным киоском мечутся и орут в мобильники «сопровождавшие», ухмыльнулся и окружным путем пошел к дому. Но радовался недолго, прекрасно понимая, что слежка – это так, для вида. Напугать, предупредить, показать, кто тут хозяин. Место жительства капитана Логинова всем известно, стоит лишь поговорить с тем же кадровиком. А в том, что без майора тут не обошлось, Максим не сомневался. И не уедешь никуда теперь с подпиской этой, только осложнишь все. Можно постараться уговорить Ленку, но это тоже дохлый номер.

– Я без тебя никуда не поеду, – твердила Ленка. – Когда все закончится, тогда все вместе поедem.

То же самое сказала она и сейчас, стоило Максиму произнести: «Лен, может, вы все-таки?..» и отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Нет, надо попробовать по-другому, простыми увещеваниями ее не пронять.

– Поздравь меня, я теперь обвиняемый, – поделился новостью Максим, – под подписку о невыезде отпустили. Будешь мне передачи носить, если что?

– Буду, – незамедлительно согласилась жена, – куда ж я денусь? А за что тебя?

– За то, что выполнил приказ. За то, что действовал как нормальный человек, а не как эти твари, наверное. Других причин я не вижу.

Максим уселся в кресло, хлопнул по колену ладонью. Фекла немедленно отозвалась на хозяйский зов, прибежала, запрыгнула Максиму на руки, обнюхала, как собака, фыркнула недовольно.

– И попутно бросил тень на командование. Полковник тот, кто операцией командовал, в генералы, наверное, собирался, а тут я со своим Уставом. Не мог все по-тихому обстригать, докладывать сунулся, отчеты писать... Поломал человеку всю малину.

– А можно было по-тихому? Ну, чтобы никто не узнал? – встрепелась Ленка. Она обычно вопросов старалась не задавать, зная, что ответа все равно не получит. Но любопытство брало свое, да и скрывать Максиму было уже почти нечего.

– Мог, конечно. Способов полно. Самый легкий – добить уцелевших, скрыться с места происшествия и доложить на командный пункт, что группа до места засады не дошла, так как рядовой Иванов сломал ногу. Правда, пришлось бы для достоверности ногу Иванову действительно сломать. А кто убил всех пассажиров «Нивы»? Конечно же боевики! Причем сделали это так, чтобы все подумали на военных. Другой вариант – расстрелять задержанных, подбросить им в машину неучтенное трофейное оружие – у нас там с собой было кое-что, по мелочи, – и немедленно передвинуть место засады. Или элементарно наврать, что приказ выполнен, и покинуть место происшествия. Можно было просто сдвинуть место засады на полкилометра. И ничего бы мне за невыполнение такого приказа не было. Потому что ни один полковник никогда не признался бы, что отдал такой приказ.

– А просто не выполнить его ты мог? Ведь видно же, наверно, что это были просто люди... – Ленка не договорила, прикусила язык, почувствовав, что и так наговорила лишнего.

– Я выполнял приказ, – глядя в стену перед собой, повторил Максим, – а «просто люди» это были или не просто... Я когда приказ услышал, то сразу спросил себя: «Что же такое могли совершить эти люди, что их приказывают ликвидировать?» А потом: «Наверное, это разведгруппа боевиков, знает много чего лишнего. И

если их просто задержать, то в комендатуре или в СИЗО возможен контакт с другими задержанными и утечка, вследствие чего погибнет множество наших людей. Командование наверняка все знает, вот и приказало уничтожить их». Вот что я подумал, когда все это увидел и услышал. Моя вина только в том, что я выполнил приказ, – повторил Максим и замолчал.

Ленка тоже голоса не подавала, ждала продолжения. Максим чуть откашлялся, заговорил снова:

– И то только в том случае, если приказ – преступный, но тогда и тот, кто его отдал, – преступник. Именно так проводили Нюрнбергский процесс: сперва доказали, что приказы нацистского руководства были заведомо преступные и что отдававшие их и исполнявшие знали это. А уже затем доказывали факт отдачи и исполнения уже квалифицированных как преступные приказов отдельных фигурантов. А приказ не выполнить... Мог, конечно, только согласно Уставу в случае отказа командование имело право применить оружие против моей группы. Например, вызвать вертолеты и уничтожить нас всех вместе с боевиками. И была бы ты вдовой, а Васька сиротой. Где она, кстати? – отвлекся от рассуждений Максим.

– Я ее к подружке отпустила, – ответила Ленка, подошла к окну, поправила занавеску и подозрительно долго возилась там.

Максим увидел, как она трет глаза.

– Лен, уезжайте, пожалуйста, – тихо попросил он, – завтра же. Все равно мы тут не останемся. А недели через две, когда все закончится, я к вам приеду. За мной шли сегодня, трое. Хорошо, что я их заметить успел, ушел. Но это ненадолго, все равно найдут. Уезжай, очень тебя прошу, – глядя в спину жены, повторил Максим.

– В Александров? – полуутвердительно произнесла Ленка, и у Максима отлегло от сердца. Согласилась наконец-то. Билеты надо взять сегодня же и на ближайший поезд, соберутся они быстро...

– Ну да, куда ж еще? Ваську пока в школу пристроишь, а там и я подъеду... – начал по привычке планировать последовательность действий Максим.

Но рано радовался – Ленка подошла к креслу, оперлась на подлокотники и, глядя мужу в глаза, прошептала громко:

– Я тебя тут одного не оставлю, понятно? Уедем все вместе – ты, я и Васька. Все, не спорь.

Она схватила пригревшуюся на коленях Максима Феклу, прижала к себе и выбежала из комнаты, крикнув напоследок:

– А если с тобой что-то случится? Если они... – И замолчала, грохнула кухонной дверью.

– Разберусь как-нибудь, – сам себе ответил Максим, – в первый раз что ли?

Вот и поговорили, называется, только до слез любимую женщину довел и напугал еще больше.

– Согласно вашему отчету вы с группой направлялись лишь для досмотра проезжающих машин, – торопливо, проглатывая слова, говорил защитник, – а фактически вы направлялись в засаду с правом уничтожать любые движущиеся автомобили. Я правильно понял? – Очень подвижный, невысокий человечек с белыми ресницами и редкими бесцветными волосами вцепился зубами в кусок пиццы и требовательно смотрел из-под очков на Максима, ожидая ответа.

– Да, верно. Никаких блокпостов вокруг села не было, через полчаса выяснилось, что и функции по досмотру проезжающего транспорта возложены на меня. Я там и за взвешников был, за милицию, и за дэпээсников. Это уже не засада была, а черт знает что... А о каком отчете речь? Я не писал ничего подобного, – вяло, почти безразлично проговорил Максим.

В судебном заседании объявили перерыв, и Максим с адвокатом коротали время в небольшой пиццерии. Еда отвратительная, кофе быстро остыл, но Максиму было на это наплевать. Он жевал куски резиновой пиццы, не чувствуя вкуса, – первая половина дня просто выбила его из колеи. Он отчетливо понял: будет сделано все, чтобы обвинить его в преднамеренном убийстве мирных граждан. Множество фактов, явных и скрытых, говорили об этом, и Максиму хватило своей минимальной правовой подготовки, чтобы сделать единственно верный вывод о том, чем все закончится. Но активно, аргументированно защищаться мешало

одно неуместное, лишнее чувство, скорее рудимент. «Так не бывает, они не могут так поступить, это происходит не со мной, не здесь и не сейчас», – непроизвольно думал Максим. И вот очередные грабли врезали по лбу – в материалах дела всплыл липовый отчет. Максим прекрасно помнил, о чем писал тогда, в первые часы после возвращения с задания. И о том, что группа могла лишь досматривать машины, там не было ни слова. Он сообщил, что в районе находилось гражданское население, которого там быть просто не могло. А оно было и спокойно перемещалось – ездило, ходило. Максим быстро сообразил, что оказался в центре очередного бардака, поэтому действительно все прошедшие ранее машины лишь обыскали и отпустили. Но та «Нива» мчалась напролом, не реагируя на приказ остановиться. Пришлось стрелять, убитыми оказались «мирные жители». Получается, что он подставил руководство, за что и огребает теперь за себя и за того парня.

– И что, подпись под отчетом тоже моя? – Максим уже заранее знал ответ, спросил просто так.

– Да, только... – Защитник посмотрел по сторонам, перегнулся через столик, прошептал трагически: – Мне кажется, это подделка, я вашу подпись знаю, не похоже...

Толку-то, все уже решено. Воскресни те убитые «крестьяне» и свидетельствуй они в пользу Максима – это делу не поможет. Надежда только на присяжных: они, похоже, поняли, что дело нечисто, и крайним делать Максима не торопятся. Ну, и защитник тоже, почти молодец, не боится этих «родственников», лихо осадил парочку особо резвых, хоть и шарахался от них поначалу. Ладно, надо идти, вторая часть марлезонского балета скоро начнется.

«Родственники», похоже, никуда не расходились во время перерыва, Максиму казалось, что табор так и живет здесь, в тесном и душном зале. Максим следом за адвокатом пробирался к своему месту, когда кто-то схватил его за полу ветровки. Пришлось остановиться, обернуться. Жирная, с кривым носом, закутанная в черные тряпки женщина. Он попытался высвободиться, но грязные пальцы с обломанными ногтями держали крепко. Ткань треснула, чудовище довольно ухмыльнулось, приподнялось в кресле и поднесло к лицу Максима кривой указательный палец.

– По нашему закону вас накажем, сами накажем... – с трудом разобрал Максим произнесенные с жутким акцентом слова.

Старуху поддержали собравшиеся в зале, одобрительный рев усилился, и в нем Максим отчетливо различал угрозы.

– Жену свою береги и дочь! Красивая девочка, у меня таких давно не было, – протявкали из толпы кто-то, его слова пропали в дружном общем ржании.

Максим, плохо соображая, что делает, рванулся на голос, но его уже тащили назад.

– Не надо, прошу вас! – Тщедушный адвокат вцепился в Максима обеими руками и ехал за ним по полу, как на буксире. – Не здесь, только не здесь, пожалуйста...

Его слова отрезвили Максима, заставили остановиться. Прав адвокат, не здесь. Страх за близких и отвращение затмили разум, но сказанное защитником подействовало, вернуло способность сначала рассуждать, а уж потом действовать. Максим сжал запястье чудовищной бабы, слегка вывернул его, заставив страшилище разжать клешню. Пошел следом за адвокатом, вытаскивая на ходу из кармана платок. Вытер ладонь, уселся на свое место, не слушая визгливых криков за спиной.

– Максим, ну что вы? Так нельзя, – выговаривал ему, как ребенку, защитник и повторил уже вполголоса: – Только не здесь. Я бы и сам с удовольствием... если бы мог...

– Ты свое дело делай, – в тон ему ответил Максим, – я уж сам как-нибудь...

Он пришел в себя, успокоился, отвечал на вопросы быстро, не задумываясь:

– Я выполнил приказ, не зная точно, кого задержал, и не имел возможности определить, преступный мне отдали приказ или нет. Настоящий преступник тот, кто распорядился убить задержанных, заведомо зная, что погибнут невиновные. Я поверил в осведомленность вышестоящего командования, принявшего решение ликвидировать пассажиров «Нивы», и не усмотрел в приказе ничего незаконного. Напоминаю, мы пытались оказать раненым медицинскую помощь. Будь я и мои люди отморозками и садистами, каковыми нас пытаются представить, то к чему такие сложности? Я приказал бы перебить всех сразу! – Максим замолчал, оглядел зал.

Как ни странно, его слушали внимательно, шум и гул стихли.

После этих слов заседание продолжалось недолго, объявили перерыв до завтрашнего дня. Максим вместе с защитником вышли из здания суда, распрощались. Адвокат побежал к припаркованной рядом машине, Максим двинулся домой пешком. Его снова «проводжали» – на этот раз эскорт разделился. Двое шли впереди, еще трое – старые знакомые – топали по другой стороне улицы. И всех было видно издалека – поведением, походкой, привычкой ораторствовать во все горло они сразу выделялись из толпы. Тащить их за собой к дому Максим не собирался, но и удирать тоже было не с руки.

Рядом находился очень нехороший, неудобный перекресток – светофоров натекана уйма, половина не работает, да на них никто никогда и не смотрит. Здесь все идут и едут как бог на душу положит – успел проскочить, и хорошо. Максим подошел к «зебре», остановился рядом с прохожими. Трое преследователей через дорогу немедленно повторили его маневр, краем глаза Максим успел заметить, что подтянулась и шедшая впереди парочка. Сделал вид, что не замечает ничего подозрительного, дождался зеленого сигнала светофора и вместе с толпой шагнул на проезжую часть. Прошел почти до разделительной полосы, развернулся перед носом троих «проводимых» и вместе со встречным потоком людей неторопливо двинулся обратно. Подмигнул на ходу еще двоим обалдевшим преследователям и спокойно вернулся на тротуар. Пятиконечный «хвост» в полном составе оказался на проезжей части, гости города не знали, что им делать. Не знакомы они были и с неписаными правилами дорожного движения – на этом перекрестке по умолчанию водители сначала пропускают пешеходов, потом едут сами, стараясь не задеть друг друга. Вот и сейчас все шло точно по сценарию – последний пешеход оказался на тротуаре, и одновременно с трех сторон двинулись машины. Рев двигателей, визг гудков, ругань, знакомые гортанные крики – уже по звуку понятно, что там смешались в кучу кони, люди... Максим с нескрываемым удовольствием наблюдал, как мечутся среди машин горные орлы, машут крыльями и кудахчут, как потревоженные куры. Один из них тыкал пальцем в сторону светофора. Что ты, дружок, на него тут отродясь никто не смотрит, так истари повелось. А другому особенно не повезло – его то ли задела бампером, то ли сам в свалке не удержался на ногах, но сейчас «наблюдатель» валялся в грязи почти под колесами микроавтобуса. Водитель, щуплый лысоватый мужик, даже не собирался останавливаться, душевно выматерился в приоткрытое окно и двинул дальше. Собратья поднимали поверженного товарища. Максим понаблюдал за представлением еще немного и пошел прочь. Он успел перехватить несколько

полных почти первобытной злобы взглядов преследователей, но лишь сплюнул демонстративно. «Обмен любезностями» закончился, счет пока был в пользу Максима. Но радоваться нечему, ответка последует, и очень скоро.

Откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня, обиженные не стали. Той же ночью Максим проснулся от шороха автомобильных шин под окнами дома. Машина остановилась, послышалась приглушенная отрывистая речь. Максим осторожно встал, чтобы не разбудить Ленку, быстро оделся, вышел из квартиры, захлопнул дверь. И поднялся на один лестничный пролет вверх, отступил в тень у стены, замер. Ждать долго не пришлось – снизу поднимались несколько человек. Об отсутствии освещения кто-то заранее позаботился, поэтому поднимались «гости» неуверенно, кто-то споткнулся, матюгнулся вполголоса. Максим терпеливо ждал, глаза его привыкли к темноте, и он уже видел три силуэта, маячивших перед дверью его квартиры. Что-то негромко звякнуло в тишине, один из «гостей» дернул дверную ручку, но его оттеснили в сторону. Тонкий лязгающий звук повторился, что-то негромко треснуло. Максим одним прыжком оказался рядом с ночными визитерами. И успел вовремя – один уже собирался резать обивку, двое других в бешенстве крутили колесики зажигалок, сясь добыть хоть искру, и непрерывно ругались. Поэтому появление Максима прозевали: не успев понять, в чем дело, уже летели вниз по лестнице. И только попытались подняться на ноги, как снова пришлось падать – в объятия товарищей грохнулся третий. Максим скорее чувствовал все движения противника, чем видел их, поэтому ловко ушел от удара, вывернул занесенную на него руку с ножом за спину оппоненту. Тот хрюкнул и отправился в полет башкой вперед, но недалеко – всего лишь на один пролет ниже. Все происходило в полной тишине, за несколько минут побоища никто не издал ни звука. Максим ногой отшвырнул валявшийся на полу нож, перепрыгнул несколько ступеней сразу и оказался перед только-только поднявшимися на ноги «гостями». Те его намерения поняли правильно, отступили, бросив товарища объяснять Максиму цель их позднего визита. Третий жался к стене, попискивал жалобно, и Максим помог ему обрести уверенность в своих силах. Сгреб за шкурку, швырнул вниз и не торопясь двинулся следом, готовый, если понадобится, повторить бросок. Но его помощь больше не потребовалась: посетитель самостоятельно выполз из подъезда, доковылял до машины. Максим наблюдал за ними через окно, дождался, когда машина, резко газанув, сорвалась с места, и вернулся домой. Открыл дверь, вошел в квартиру и едва не наступил в темноте на кошку – Фекла вспомнила, что давно не охотилась, и примерялась, как бы удрать через полуоткрытую дверь. Максим отпихнул кошку назад и уже решил, что все обошлось, но напрасно.

– Ты чего? – встретил его грозный шепот из темноты. – Куда собрался?

Проснувшись Ленка вышла из комнаты, кутаясь в халат, маячила в коридоре, как привидение, и голос ее со сна был хрипловатым.

– Фекла удрать хотела, – соврал Максим, – еле поймал.

– Ага, и дверь сама открыла, – парировала Ленка, но продолжать разговор не стала, вернулась в комнату.

Максим прошел следом, посмотрел еще раз в окно. На дороге перед домом пусто, все тихо, только пошел тихий ровный дождик, по подоконнику застучали капли.

– Кто это был? – тихо спросила Ленка. – Только не ври.

– Никого. Мне просто показалось, – ответил Максим, сел на диван, провел рукой по волосам. И представил, как из дому выходит Васька, а внизу ее поджидают три зверообразных существа, подходят к ней, говорят что-то непонятное, берут за руку... Как же близко подошли эти твари, и сделать ничего нельзя, каким-то непостижимым образом правда и закон оказались на их стороне. А ему только и остается, что терпеть эти выходки или убивать зверье поодиночке. Но посадят по-любому: если будет терпеть, то за то, что выполнил приказ, а если прихлопнет хоть одного «орла», то еще за одно убийство.

– Макс, не переживай ты так. Ведь в конце концов выяснится, что ты не виноват, найдут того, кто тогда у вас за главного был, – прошептала из темноты Ленка.

– Нет, уже не найдут. Давно бы нашли, если б захотели, – помолчав, ответил Максим. Из всего происходящего вывод можно было сделать только один: слишком высоко взлетел бывший руководитель операции, раз хватило средств откупиться от всех. И прикрыться капитаном Логиновым, повесить на него – не без помощи «добрых» людей – всех собак. Вспомнить бы фамилию этой сволочи... Хотя это уже ничего не даст, и от Максима здесь уже ничего не зависит. Может, зря он наврал жене, надо было сказать ей все, как есть. Пусть поймет наконец, что все очень серьезно, и уедет вместе с дочерью подальше отсюда.

А Ленка словно прочитала его мысли, обняла мужа, прошептала:

– Не психуй, все наладится. Ты и правда, как Фекла, на каждый шорох дергаешься. Может, и мышей вместе ловить будете?

– Может, и буду, – фыркнул в ответ Максим, – я уже ловил. Давно, правда.

– Да ты что! И поймал? Ну хоть одну? Расскажи, – потребовала Ленка, но ответа не дождалась.

В голову Максиму пришли другие мысли, далекие от особенностей охоты на грызунов.

Уже вечером того же дня стало понятно, что «гости» от своих намерений не откажутся. Максим возвращался с очередного судебного заседания, когда позвонила Ленка. И подозрительно спокойным и ровным голосом попросила его поскорее прийти домой. Максим оказался у подъезда через десять минут, увидел уже издали качавшуюся на качелях Ваську и жену. Она стояла рядом с квартирной хозяйкой, слушала речь пожилой взволнованной женщины.

– Добрый вечер. – Максим осмотрел всех присутствующих. На первый взгляд ничего страшного не произошло – вроде спокойны, только говорят как-то неуверенно. И слов подобрать не могут, запинаются, как сговорились.

– Макс, там, в подъезде... Я не знаю, что это означает. То ли рисунки, то ли... Посмотри, пожалуйста. Мы тебя тут подождем, – промямлила Ленка, стараясь не смотреть на хозяйку квартиры.

Та лишь кивала и со страхом поглядывала на Максима.

– Ладно, ждите.

Максим направился к подъезду, уже примерно представляя себе, что там увидит. И ошибся лишь в деталях. Картинка действительно оказалась жутковатой, особенно в таком исполнении, да еще и в тесном помещении. Такая наскальная живопись обычно украшала фасады полуразрушенных домов, заборы, но не замкнутое пространство лестничной клетки. Максиму сначала

показалось, что стены покрыты копотью или сажей, но нет, это оказалась обычная черная краска из баллончика. Буквы, огромные, почти в половину человеческого роста, сливались в слова – стандартный набор оскорблений и угроз. И подпись – название гордого племени, только подобное написание Максиму встретилось впервые. Строка начиналась под окном на лестничной площадке внизу, вползала вверх и через все три двери и простенок уходила дальше, к окну на площадке между вторым и третьим этажом. Краски «художники» не пожалели – пустые баллончики валялись на ступенях. «Стены покрасить, дверь поменять», – быстро прикинул Максим, как можно устранить последствия набега. Даже ему, мало знакомому с письменностью малых народов, удалось найти в надписи две ошибки. А дверь менять придется за свои, но деваться некуда. Об этом он и сообщил вернувшейся со двора жене.

– Придется, – согласилась Ленка, – и поскорее. Из дому выйти страшно. А что там написано?

– Черт его знает, я не понимаю, – Максиму пришлось снова соврать, но на этот раз Ленка, кажется, поверила.

Остаток недели и выходные прошли почти спокойно. Максим добросовестно, как на работу, являлся в суд, общался с защитником, отвечал на вопросы. И делал вид, что не слышит ругани, угроз и обещаний «разобраться» с ним прямо сейчас, немедленно. Вертелся на языке вопрос к защитнику «потерпевших»: что же вы, уважаемый, не видите, что происходит? Или оглохли? Но решил молчать. Во-первых, бесполезно, а во-вторых – зачем раскрываться перед противником? Пусть и дальше считают, что их каркающе-шипящий язык ему не знаком. За последний месяц «языковой практики» Максим вспомнил основательно подзабытые им слова и понимал почти все, о чем говорили люди в зале. А процесс затягивался, присяжные не торопились с решением, тянули как могли. Они понимали, что дело нечисто, и отправлять невиновного человека в тюрьму не хотели. Обстановка накалялась, спектакль затягивался, но Максим чувствовал, что долго так продолжаться не будет. Только гадал, кто первый не выдержит, у кого сдадут нервы. Решение по его делу уже принято где-то очень далеко отсюда, на пути «правосудия» остались только он и присяжные. К нему уже «приходили», и не раз, не исключено, что и с присяжными тоже проведут работу. И что ему делать тогда? Идти в тюрьму, как барану на заклание? Отвечать за чужую ошибку или преступную глупость? Мысли причиняли почти физическую боль, да еще и уезжать Ленка отказывалась наотрез, уперлась. Они разругались вдрызг, Максим даже наорал на жену, чего не делал до этого еще

ни разу. Потом извинялся, просил прощения, Ленка тоже признала, что не права. Но толку-то? Он здесь, они там, и черт его знает, что происходит рядом с домом.

Ничего хорошего, как и следовало ожидать. Двое «наблюдателей» сидели на скамейке у подъезда, следили за всеми проходившими мимо, громко обсуждали каждого. Максим остановился напротив, сунул на всякий случай руки в карманы, смотрел молча то на одного, то на другого. Те сначала щерились, демонстрировали недвусмысленные жесты, даже фотографировали его на камеры телефонов. Максим не произносил ни слова, но и уходить не собирался. Если надо, он простоит тут до ночи, до завтрашнего утра – сколько надо, пока эти твари не уползут в свои вонючие норы. Странно, что их только двое, маловато будет. Злость, даже остервенение накапливалось, нужная концентрация отравы будет достигнута скоро. И что тогда делать – вежливо попросить их убраться прочь? Или сломать обоим хребты и зашвырнуть трупы в подвал? Второй ход был чертовски привлекателен, и Максим уже сомневался, сумеет ли устоять перед искушением. Позади послышался звук работающего двигателя, шорох шин по асфальту. Эти звуки произвели странное действие на чужаков. Один вскочил, заметался перед лавкой, второй не двигался, смотрел на дисплей телефона, лихорадочно жал на кнопки. Максим обернулся: вдоль дома медленно ехала патрульная милицейская машина, притормозила рядом, остановилась. Из нее вышли двое, вразвалочку направились к сидевшим на лавке людям. Максим посторонился, пропустил милиционеров.

– Документы, – негромко потребовал у горцев сержант, щелкнул пальцами. – Быстрее, чего расселся?

Но реакция гостей была странной – один зачем-то вскочил на лавку, попытался перепрыгнуть невысокую ограду газона, но не успел. Его стащили назад, уложили мордой в асфальт. И упустили второго – тот, забыв о товарище, рванул прочь. Максим бросился следом, догнал, швырнул его на мокрую траву. И от души врезал ему несколько раз по ребрам. Встряхнул задержанного, убедился, что тот в сознании, и потащил обратно к подъезду, сдал из рук в руки стражам порядка.

– Спасибо, ведь ушел бы. – Милиционеры затолкали обоих в машину, захлопнули дверь.

– Не за что, – искренне ответил Максим.

– Прикинь, три случая за сегодня. У двоих сумки вырвали, у пацана телефон отняли да еще и по голове надавали, – поделился с Максимом сержант, ловивший первого «орла».

– Думаете, они? – Максим показал на заднюю дверцу уазика.

– А кто еще? У нас тут такого давно не было, как тварь эта в городе появилась, так началось. Это только у нас три случая, я про остальные районы молчу.

Все понятно, гости города вышли на привычный, традиционный для своего племени промысел – добычу денег и мобильных телефонов из карманов и сумок граждан. Максим даже не удивился услышанному. «Может, это доброе дело мне зачтется», – подумал он, глядя вслед отъезжающему патрульному уазiku, усмехнулся невесело, вошел в подъезд.

И зачлось той же ночью. «Благодарность» на сей раз влетела в окно. В стекло ударилось что-то тяжелое, посыпались осколки, предмет врезался в занавески и грохнулся на подоконник, перекатился, упал на пол. Это оказалась бутылка с бензином. К счастью, она не разбилась, а «фитиль» на хвосте не успел хорошенько разгореться. Максим схватил «снаряд», вышвырнул его обратно. Ленка прошептала:

– Она нас выгонит. Дверь, теперь окно... На улице жить будем.

Максим пропустил ее слова мимо ушей, прислушивался к звукам с улицы. Потом подошел к окну, осторожно отодвинул штору. Подоконник усыпан осколками, перевернут горшок с цветком – вот и весь урон. Если не считать разбитого стекла, конечно. Ну, это мелочи.

– Что это было? – потребовала подробностей жена, и Максим решил, что врать больше не будет. Время для разговора не очень подходящее – третий час ночи, но так уж получилось.

– «Коктейль Молотова». Или просто бензин, я не понял. – Максим говорил просто и буднично, словно речь шла о походе в магазин за картошкой. – Если бы бутылка разбилась, мы бы уже сгорели, но нам повезло. Или действовали дилетанты, или просто пугали. Скорее всего последнее. Я им пока живым нужен.

Ленка вскочила, побежала в соседнюю комнату, вскоре вернулась.

– Васька спит, – сказала она, – не слышала, наверное. А если они опять...

– Могут, – коротко отозвался Максим, – запросто.

И понял, что не уснет до рассвета, будет прислушиваться к каждому шороху, следить за каждой тенью. Из разбитого окна в комнату врвался холодный воздух, занавески шевелились, и неприятно шуршал тюль. И ничего подходящего под рукой, чтобы закрыть пробоину. Ленка завернулась в одеяло и вопросов больше не задавала. Максим оделся, вышел в кухню, уселся у окна, смотрел, не отрываясь, в переплетение черных подвижных теней. «Уроды, скоты. Мало я вас...» – в бессильной ярости думал он. И оформилось давно бродившее глубоко внутри чувство – чувство вынужденного бессилия, невозможности противостоять вторгшейся в его жизнь орде, защитить близких. Нет, способов он знал немало, но все они здесь, дома, не годились. Если начать действовать по правилам, принятым на «той» стороне, то это будет означать только одно – войну. Причем в одиночку против всех – «пострадавших», закона, власти одновременно. И за спиной при этом только два беззащитных человека и никого больше. Да, еще адвокат этот, видно, что он старается, но толку-то от его усилий. «Все давно решено, и не здесь». Максим вздрогнул от неожиданного прикосновения. Это подошла проснувшаяся от шума кошка, потерлась о ноги, взгромоздилась на колени. Так и сидели до утра, пока не пришла Ленка. Она старательно отворачивалась, но в утренних сумерках Максим разглядел ее покрасневшие от слез глаза.

Стекло заменили, осколки собрали, в горшок с цветком Ленка насыпала свежей земли. Квартирной хозяйке было решено ничего не говорить, чтобы не напугать пенсионерку еще сильнее. Ей хватит и истории с размалеванными стенами и дверью. А то и правда заставит выметаться, и что тогда? Жить-то негде. Максим долго готовился к решительному разговору с женой, повторял перечень аргументов, выдумывал разумные доводы, когда все решилось само собой. В тот день утром из квартиры первая вышла Ленка, она собиралась в парикмахерскую. Зазвонил мобильник, она замешкалась в дверях, ответила на звонок.

– Что? Вы кто? Что вам надо? Я не понимаю... – твердила она в трубку, а Максим не сразу сообразил, в чем дело.

Потом вырвал у жены телефон, поднес к уху. И услышал развязный, говоривший с сильным акцентом голос, неторопливо перечислявший, что ждет саму Ленку и ее дочь, если... Дальше все было понятно, Максим уже заранее знал, что означает это «если».

– Если ты, свинья, не заткнешься, я тебя... маму твою... папу... сестру... Всю твою гнилую родню, до кого доберусь... сам... – Максим говорил очень спокойно, но выражений не выбирал, прекрасно знал, что «собеседник» его поймет.

В трубке раздались короткие гудки отбоя. Максим вернул телефон жене, оделся. И успел заметить, как воспользовавшаяся заминкой Фекла выскочила на площадку и рванула вниз по лестнице. Ладно, нагуляется – придет, в первый раз что ли? Ну не бежать же за ней, в самом деле.

– Пошли, – скомандовал он жене, – провожу. Только недолго.

– Хорошо, – всхлипнула Ленка, дрожащими руками открыла сумку, бросила на дно телефон.

Пока Ленка сидела в салоне, Максим успел зайти в магазин, купить кое-что из продуктов. И прихватил зачем-то пакет с кошачьим кормом. Пошла она на фиг, эта Фекла, пусть нормальную еду лопают, как все кошки. А то свежатину ей подавай, разбаловалась. И поймал себя на мысли, что думает о чем угодно, только не о том, что произошло полтора часа назад. Звонок на мобильник жене – один из способов запугивания, это понятно. А если позвонят Ваське... Максим вырвал из кармана трубку, набрал номер дочери.

– Я дома, – отчиталась она, – рисую. Нет, никто мне не звонил, только ты. Выключить телефон? Зачем? А если Ира мне позвонит?..

– Делай, что я тебе сказал! – рявкнул Максим, и на него посмотрели одновременно несколько человек в очереди к кассе. – Сейчас же, поняла?!

Васька не ответила, но когда Максим через минуту еще раз набрал ее номер, услышал автоответчик: «Аппарат абонента выключен...» Максим расплатился, вышел из магазина, вернулся за Ленкой. Она подстриглась очень коротко, как мальчишка, стала словно выше ростом и еще тоньше.

– Мне не нравится, – буркнул Максим, увидев жену, – ты бы еще наголо побрилась.

Сколько раз просил ее отрастить волосы, так нет – упирается, делает все по-своему.

– Как только все закончится, перестану стричься. Вообще. И будет у меня коса до пояса, – неживым голосом отозвалась Ленка на «комплимент» мужа. – Вот увидишь.

– Посмотрим, – ответил Максим. Знать бы только, когда все это закончится. И главное, чем?

Перед дверью квартиры стояла коробка. Обычная, из-под бумаги формата А4 – ничего подозрительного, сверху прикрыта картонкой. Максим заставил Ленку остановиться на ступеньках, подошел осторожно к двери, осмотрел коробку со всех сторон, чуть толкнул в стенку. Тяжелая, внутри что-то есть, но ни запахов никаких, ни звуков от коробки не распространяется. Очередной сюрприз. Что на этот раз – пластид, граната? Нет, вряд ли. Ждать, конечно, можно чего угодно, но чтобы подбросить под дверь взрывчатку, надо совсем не иметь мозга, даже спинного. Максим сдвинул кончиком пальца лежащую сверху картонку, заглянул внутрь. И сразу схватил коробку в руки, отбежал с ней вверх по лестнице, на площадку между вторым и третьим этажом. Фекле свернули шею – голова кошки неестественно повернута, один глаз полуоткрыт, виден желтый зрачок. Роскошный хвост вытянулся вдоль высокой стенки, и Максим зачем-то старательно уложил его рядом с уже остывшим тельцем.

– Что там? – дрожащим голосом спросила Ленка, сделала несколько неуверенных шагов к мужу.

Максим отступил назад, прислонился спиной к стене.

– Фекла, – ответил он, и Ленка остановилась, вцепилась в перила.

Максим прижал коробку к груди:

– Иди домой, я сейчас вернусь.

Он дождался, когда жена войдет в квартиру, сбежал по лестнице вниз, вошел в подвал. Прошел в душной сырой темноте вдоль стены к дальнему углу, поставил там коробку. Присел на корточки, прислушиваясь к шорохам и пискам, глубоко вдохнул затхлый воздух. Эти твари знали о них все, даже то, как выглядит домашнее, крайне редко вырывавшееся на свободу животное. Максим медленно поднялся на ноги, уставился на толстую трубу отопления перед собой. Сегодня они с Ленкой отсутствовали часа два, не больше, Васька была дома одна. Одна десятилетняя девочка за тонкой дверью... Максим помчался наверх, запрыгал через ступеньку, ворвался в квартиру. На кухне Ленка рыдала в голос над пакетом с кошачьим кормом, рядом плакала Васька. Максим остановился, смотрел на обеих, пытался собраться с мыслями. События развивались слишком быстро, он не успевал за ними, и не потому, что не заметил что-то, не услышал или не понял. Просто до сих пор он почему-то был уверен, что до этого не дойдет. Попытка поджечь дверь, «наскальная живопись» в подъезде – это ерунда, мелочи. Влетевшая в окно бутылка с бензином, по большому счету, тоже, но сегодня враги подошли к его дому совсем близко, остановились на пороге. А в следующий раз они его переступят – и что тогда? Двух или трех он успеет убить, даже голыми руками или кухонным ножом. И что предъявит в свое оправдание? Счет за замену двери и магазинный чек за краску? Оставшийся в памяти Ленкиного телефона номер входящего звонка? Труп кошки в коробке или дрожащую от слез и страха жену?

Ленка попыталась сказать что-то, но снова разревелась. Потом собралась с силами, обняла Ваську и произнесла дрожащим голосом:

– Пошли за билетами. Мы уедем. Я сделаю все, что ты скажешь.

Билеты он взял до Новороссийска и до отъезда всем и каждому рассказывал, что отправляет жену с дочерью на море. Все логично: бархатный сезон, самое время отдохнуть и набраться сил перед долгой зимой. А то, что ребенок пропустит первое сентября, так и черт бы с ним, главное – здоровье. Васька и так постоянно болеет, а тут такая возможность поплескаться в море.

– Выйдете во Владимире, переседайте на этом же вокзале на электричку. До Александрова полтора часа, дальше на маршрутке, – сотый по счету раз инструктировал жену Максим. Она покорно слушала, собирала вещи. Набралось много – два чемодана, хорошо, хоть один на колесиках.

До отхода поезда оставалось пятнадцать минут, Максим сидел в купе, смотрел на уже обосновавшуюся на верхней полке дочь. Неожиданный отъезд на море быстро стер из ее памяти слезы матери и исчезновение Феклы. Ленка старалась соответствовать моменту: улыбалась, но вымученно, нестрогим голосом делала дочери замечания. А Васька, чувствуя слабинку, резвилась напропалую.

– Провожающие, выходим. – Проводница прошла по узкому коридору, профессионально отделяя взглядом пассажиров от тех, кто ехать не собирался.

Максим поднялся, поцеловал Ваську в щеку, обнял Ленку.

– Все будет нормально, – в который раз произнес он, – все будет хорошо. Не забудь, где ты выходишь, – прошептал он на ухо жене.

– Я помню, – так же тихо ответила она. – Ваську жалко, расстроится.

– Ничего, скажешь, что вместе поедем. Когда я вернусь. Все, я позвоню.

Он выскочил из вагона в последний момент, когда поезд уже тронулся. И пошел рядом с вагоном, глядя на окно. Ленка улыбалась, терла глаза, Васька что-то чертила пальцем на стекле, прижималась к нему то щекой, то носом. Поезд набрал скорость, Максим отстал, дошел почти до края перрона, остановился. Мимо пронесся последний вагон. Максим посмотрел ему вслед, повернулся и медленно пошел к зданию вокзала. До темноты он слонялся по городу и лишь поздним вечером заставил себя вернуться в пустую квартиру.

Глава 2

Судьбоносное заседание суда состоялось в четверг, через неделю после отъезда Ленки. Она благополучно добралась до Александрова и уже устраивалась в новом, пусть неудобном, но все же своем доме. О чем и докладывала дважды в день по телефону. И каждый разговор заканчивался одинаково.

– Когда ты приедешь? – спрашивали жена и дочь, и Максим повторял одно и то же:

– Скоро, подождите еще немного.

И не кривил душой – дело шло к развязке. К концу недели Максим уже догадывался, каков будет вердикт присяжных. Тот факт, что группа, которой руководил капитан Логинов, действительно произвела выстрелы по автомобилю «Нива», в котором находились шесть человек, и впоследствии уничтожила эту машину путем поджога, был доказан. Однако, по мнению присяжных, эти действия военнослужащие совершали, не выходя за пределы своих полномочий.

– Все идет к тому, что вас оправдают, надо дождаться понедельника, когда будет готово решение суда. – Защитник на радостях снял очки, нелепо хлопал белесыми ресницами, улыбался глупо, жал Максиму руку.

– Надеюсь. – Максим направился к выходу. И не сразу сообразил, что здесь нечисто, то ли расслабился на радостях, то ли просто зверски устал.

В зале было очень тихо – ни громких голосов, ни криков, не звонили мобильники. Максим с защитником быстро пробирались через зал под ненавидящими взглядами множества недобрых глаз. Стая чувствовала, что добыча уходит из-под носа, но сделать ничего не могла. Адвокат потерпевших тянул шею, поднимался на цыпочки, смотрел Максиму вслед, хотел крикнуть что-то, но осекся на первом же слове.

«Доживем до понедельника», – крутилось в голове у Максима, пока он шел к дому. Кажется, его снова «проводжали», но на это ему было уже наплевать. – «Пусть таскаются сколько хотят, черт с ними. Ленку и Ваську им не найти, а со мной разговор короткий». Он решил, что пора собираться, чтобы уехать сразу после того, как огласят приговор. Максим по привычке мысленно составил список неотложных дел: рассчитаться с квартирной хозяйкой, купить кое-что в дорогу, сложить вещи. В тот день он успел даже написать и отнести в штаб очередной рапорт с просьбой об увольнении.

– Не раньше понедельника на подпись отдам, – предупредил кадровик. Майор избегал смотреть на Максима, воровато отводил глаза, снова копался в ящике стола. И спросил напоследок, когда Максим уже открыл дверь кабинета: – Что делать-то дальше будешь?

– На море поеду, к своим, – бросил в ответ Максим первое, что пришло в голову.

На сборы и подготовку к отъезду ушла вся суббота. Квартиру надлежало сдать в том же виде, в каком она была передана им во временное пользование. Больших усилий для этого не потребовалось, к вечеру двушка напоминала общежитие – стала такой же нежилой и неуютной. Максим позвонил квартирной хозяйке, договорился с ней о завтрашней встрече и понес к контейнеру пакет с мусором. А когда возвращался назад, увидел издалика в наплывавших дождливых сумерках смутно знакомую фигуру. Невысокий, тщедушный человечек брел по лужам под нелепым клетчатым зонтиком, останавливался перед каждым подъездом.

Максим подошел неслышно, остановился за спиной адвоката:

– Вы ко мне?

Человечек вздрогнул, повернулся, оступися и едва удержался на ногах.

– Да, к вам, – пробормотал он, завертел головой по сторонам. – Вы один? Мне надо сказать вам кое-что...

– Давайте зайдем.

Максим шагнул к подъезду, гость запрыгал через лужи следом. Своим видом он напомнил Максиму синицу – такой же мелкий и юркий, также смешно скачет и быстро крутит головой.

Поднялись на второй этаж, вошли в квартиру. Максим потянулся к выключателю, но адвокат остановил его:

– Подождите, не надо. Мой визит, так сказать, неофициальный, меня тут вообще не должно быть... Я не уверен, что поступаю правильно, но по-другому почему-то не могу.

– Да пожалуйста. – Максим подивился про себя: к чему такая конспирация? Но спорить не стал, шагнул в кухню, вытащил из-под стола табурет, сам устроился на пустом узком подоконнике.

Адвокат в темноте видел плохо, врезался сначала в угол стены, потом налетел на стол, сшиб табуретку. Извинился за свою неловкость, поднял ее, уселся наконец и затих. Максим молча ждал, предоставив гостю право первого слова.

– Максим, я считаю, что должен предупредить вас. Сегодня мне стало известно... мне сообщили... у меня есть хорошие знакомые, они мне кое-чем обязаны... – бормотал адвокат, и по его тону было件件но, что ничего хорошего Максим от него не услышит.

– Я слушаю, – негромко подбодрил он своего гостя, – говорите. И не переживайте – от меня никто ничего не узнает.

– Да не в этом дело! – с досадой махнул рукой адвокат. – Тут вот что. Я просто не знаю, как это называется – то, что произошло сегодня. Утром, часов в десять, приехал этот, который главный у них... ну, вы понимаете. – Гость показал рукой куда-то себе за плечо и продолжил: – Со свитой на трех машинах, представляете, и охрана с ним. Там такое зверье, бандиты настоящие. Мне позвонили, я подъехал, а подойти побоялся. Мне кажется, что они бы меня пристрелили.

«Могли», – чуть не ляпнул Максим, уже представляя себе картину, которую старался описать ему адвокат. Но сдержался, посмотрел в дождливую темноту за окном. А защитник продолжал:

– Так вот, к чему я это говорю... По его приказу вызвали судей, и заседание состоялось, но дело было изъято из юрисдикции суда присяжных, и я даже знаю почему. Присяжные не обязаны мотивировать свой вердикт, а профессиональный судья обязан. За полчаса вынесли обвинительный приговор, об этом объявят на заседании в понедельник. Вас обвиняют в том, что вы расстреляли задержанных по личной инициативе, и признали виновным сразу по четырем статьям. А это организация и подстрекательство к убийству шести лиц, заведомо находившихся в беспомощном состоянии, совершенному группой лиц по предварительному сговору; организация умышленного уничтожения чужого имущества, причинившего значительный ущерб и совершенного путем поджога. И при этом вас лишили права на защиту!

Глаза защитника блеснули в темноте, и Максиму некстати вспомнилась Фекла. Как лопала она под этим самым столом мышь и не желала расставаться с

добычей. И как лежала, свернувшись в клубок, в коробке. И желтый тусклый зрачок ее мертвых глаз.

– И как только вы явитесь в понедельник в суд, вас сразу же возьмут под стражу, – вымученным шепотом договорил адвокат и умолк.

– Понятно, – после паузы отстраненно ответил Максим. – А как вы считаете, на сколько меня посадят?

– Могу только предположить, что это будет лет пятнадцать, не меньше. Максим, я вас предупредил, дальше решайте сами, – вскинулся защитник, вскочил с табуретки, забежал по кухне. – Это не правосудие, а я не знаю что такое! Приехал какой-то бандюган, и все запрыгали вокруг него, как у новогодней елки! – возмущался он, потрясал кулаками.

Максим наблюдал за своим адвокатом, одновременно прислушиваясь к себе: слова защитника не вызвали в нем никаких эмоций. Даже странно. А впрочем, нет. Как бы он отреагировал на то, если бы сейчас рядом с домом приземлился НЛО и из него вышли зелененькие человечки? Правильно, не поверил бы своим глазам, сказал бы что-то вроде «так не бывает». Сказанное адвокатом было из той же оперы – так не бывает. Но так было, и произошло это сегодня, несколько часов назад. И не просто изменило, а сломало к чертовой матери его судьбу и, может быть, судьбу близких ему людей.

– Вы не правы. Это правосудие, только другое, – прервал адвоката Максим, – оно называется адат – нормы, которые сложились в условиях господства родоплеменных отношений. И кровная месть, выплата «цены крови», – его неотъемлемая часть.

Он подумал вдруг, что все это может оказаться чистейшей воды политикой. И что где-то далеко и высоко принято решение голову капитана Логинова отправить в столицу гордого племени как символ замирения.

– Простите? – не понял защитник. – При чем тут роды и племена? Это ж когда было, при первобытнообщинном строе... – И замолк: понял наконец, с кем ему и его подзащитному пришлось иметь дело.

– У них это никуда не делось, так и живут по сей день. Не удивлюсь, что будет еще один процесс, только на их территории. Там, где совершено преступление. Ну, вы меня поняли...

– Да, конечно. Максим, я вас предупредил, рассказал все, что мне стало известно. Надеюсь, что наша встреча... – Защитник не договорил.

Максим спрыгнул с подоконника, подошел к адвокату.

– О ней никто никогда не узнает. Во всяком случае, от меня, – сказал Максим и добавил: – Я очень благодарен вам и при случае обязательно верну долг. Как порядочный человек, я просто обязан это сделать. Пойдемте, я провожу вас.

– Да, если вам не трудно. – Адвокат нашел в темном коридоре брошенный там мокрый зонт, вышел из квартиры. Максим довел его почти до его дома, подождал, когда тот зайдет в подъезд, и неторопливо пошел обратно, натянув на голову капюшон куртки и засунув руки в карманы. На принятие решения времени почти не осталось. Было уже воскресенье, первый час ночи, завтра, в понедельник, он должен явиться в суд. Для того чтобы отправиться оттуда напрямую в тюрьму. Или участвовать в следующем процессе, на территории, где было совершено преступление и где присяжные быстро проникнутся «пониманием воли народа», а это верная смерть без суда и следствия. И без возможности защитить себя. Выходов Максим видел два – оставить все как есть, дожить до понедельника и явиться в суд. Или сейчас же, немедленно, вернуться в квартиру, взять собранный уже рюкзак и как можно скорее убираться прочь из города. Куда? Да какая разница – на все четыре стороны. Но как бы Максим ни поступил, в финале его ожидало только одно – гибель, но во втором случае она будет лишь отложена во времени на неопределенный срок. «Конечно, лучше помучиться», – мелькнула мысль. Максим криво улыбнулся, остановился перед подъездом. Но сколько в этом случае придется мучиться, зависит только от него самого. Такого задания ему выполнять еще не доводилось – одному против всех. Против тех, кто следует закону кровной мести, против руководства той злосчастной операции, стремившегося уйти от ответственности за бездарную организацию этой самой операции, в ходе которой погибли мирные жители. Против власти и всех силовых структур одновременно.

Когда он и его группа выходили на боевые задания в тыл противника, их прикрывала армия и держала наготове пути для возвращения, но сейчас на чью-либо помощь рассчитывать было глупо. Теперь он стал той самой костью,

которую вот-вот бросят своре, чтобы задобрить ее. И он может либо покорно пойти на заклатие к продавшей его власти, моля о пощаде, либо пойти против. За человеком, принявшим присягу и отказавшимся подчиниться властям, будут охотиться все. Объявят в розыск, и вся территория России станет местом, где слишком много силовых структур заинтересовано в том, чтобы его, капитана Логинова, не стало. Да и горцы не успокоятся, они будут искать Максима, что ему, собственно, и нужно. Сейчас главное – отвлечь преследователей от Ленки и Василисы, заставить гоняться за собой.

Вот и все, ситуация разобрана, разложена по полочкам, дальнейшие действия понятны, хоть и не просты. Максиму сразу стало легко и даже радостно, так бывает всегда, когда подсознательно понимаешь, что принял верное решение и ступил на нужный путь. Ничего, у него все получится. Пусть они побегают за ним, он заведет их в такие дебри, что и Сусанину не снились. «И умирать вы там будете долго, я уж постараюсь». Нет, так не пойдет, он не может себе позволить испытывать гнев – пользы от этого никакой, а вред существенный. Ненависть и злоба изматывают, а кто знает, как долго придется держать оборону и на сколько все это затянется. Надо отдохнуть перед завтрашним днем, он обещает быть долгим. До понедельника ему ничего не грозит, так и будем вести себя, словно ничего не произошло.

Воскресный день прошел как обычно. Верный легенде, Максим съездил на вокзал, купил билет до Новороссийска. Потом слонялся по городу, бродил бесцельно, смотрел по сторонам. Пару раз ему показалось, что он видит знакомые физиономии преследователей, но проверять свою догадку не стал. Держались они на расстоянии, то ли близко подходить не решались, то ли полученная вводная удерживала их от активных действий. Вечером Максим позвонил Ленке. Голос жены показался ему усталым и грустным.

– Что случилось? – спросил он.

– Васька болеет, простудилась. Здесь сыро, холодно, обогреватель нужен. Завтра куплю какой-нибудь, – сообщила Ленка и тут же перевела разговор на другое: – У тебя как? Когда это закончится?

– Завтра последний день. – Эти слова Максим произнес уверенно. Чтобы ни произошло завтра, конечно будет очень многое. Его прежняя жизнь в первую очередь. Но переход на нелегальное положение должен пройти гладко. Был человек – и нет человека. Несчастный случай – идеальный вариант, но времени

на подготовку нет, придется импровизировать.

Судебное заседание было назначено на десять часов утра, и Максим вышел из дома за сорок минут до его начала. Двинулся неторопливо по знакомым улицам, осматривался украдкой по сторонам. Без «проводимых» не обошлось, но свита Максима разочаровала. Три знакомые заросшие физиономии уже успели примелькаться за последние недели. Хотя, может, это сделано просто для того, чтобы отвлечь внимание жертвы от основных действующих лиц. Проверим. Максим резко остановился, растерянно захлопал себя по карманам. Выругался с досадой, повернулся, двинулся назад. И в тот же миг на дороге рядом резко затормозила одна из машин, сдала назад, начала разворачиваться через сплошную линию. Послышался короткий глухой звук удара, заревели автомобильные гудки. В ободранный неприметный «жигуль» преследователей врезались сразу две иномарки. Крики и все положенные в таких случаях эпитеты Максим слушать не стал. Снова остановился, покопался для вида в небольшом рюкзаке, который нес в руках, и двинулся в прежнем направлении. Осмотрелся еще раз – из всех преследователей осталась прежняя троица, они торопливо догоняли «объект» по другой стороне улицы.

Максим глянул на наручные часы – до начала заседания оставалось немногим больше четверти часа. Хорошо, пока все идет так, как он планировал. Максим уже подходил к нехорошему перекрестку, преследователи не отставали, шли параллельным курсом. И даже не считали нужным скрываться, пялились в открытую, разве только пальцами в его сторону не показывали. И непрерывно орали что-то в мобильники, впрочем, Максим догадывался, что именно: жертва покорно топает на бойню, все в порядке. Максим остановился у кромки тротуара вместе с толпой, посмотрел вдаль, на ведущую к автовокзалу дорогу. Так, пока рано, надо подождать. Преследователи остановились, терпеливо ждали, когда «объект» сам придет к ним в руки. Переходить проезжую часть не решались, так и не поняли, видимо, как это делается, или боялись вновь опозориться. Максим не спешил, вытащил из кармана рюкзака мобильник, отступил немного назад, пропуская ринувшуюся на дорогу толпу. И минуты три делал вид, что говорит по телефону. До тех пор, пока с четвертой стороны перекрестка не остановился автобус. Максим не сводил с него глаз – тот выехал на перекресток, пропустил перед собой маршрутку и, вырулив наконец в нужном направлении, остановился, закрыв собой Максима от глаз преследователей. Максим бросился вправо, подбежал к открывавшейся двери, пропустил перед собой взлохмаченного парня в наушниках и мешковатой одежде, влетел за ним по ступенькам в автобус. И

пригнулся, накинул на голову капюшон. Следом за Максимом вошли еще люди, водитель быстро считал деньги, раздавал билеты.

– До конечной, – сказал Максим и посмотрел в окно.

Дорогу за автобусом в обе стороны пересекал поток прохожих. Двери закрылись, автобус тронулся. Максим пробежал по салону, нашел свободное место в дальнем его конце, уселся у окна и задернул занавеску. Через окно с другой стороны он видел, как мечутся по тротуару преследователи, машут руками, орут друг на друга и даже приподнимаются на цыпочки, пытаясь высмотреть исчезнувший «объект». И хватаются за телефоны, конечно. Только весть уже не радостная: жертва исчезла. Растворилась в воздухе, улетела, провалилась под землю – вариантов было завались. И что теперь делать, непонятно, куда бежать, где искать...

– Пока, придурки, – вполголоса попрощался с ними Максим и откинулся на спинку кресла. Автобус шел в сторону областного центра, маршрут составлял больше семидесяти километров. Город находился в противоположной стороне от той, куда уехали Ленка и Васька. Ну вот, все получилось просто отлично. Максим вытащил телефон, набрал номер жены. «Вне зоны действия сети», – нечеловеческим голосом ответила трубка. Странно, может, денег на счету нет или со связью проблемы? Очень плохо, позвонить в следующий раз он сможет не скоро. Когда начнут искать Максима, проверят и входящие звонки на Ленкин телефон. Хоть и купили ей перед отъездом «на море» новую сим-карту, это скоро перестанет быть тайной. Координаты, откуда сделаны звонки, установить несложно. Раз уж хватило денег на покупку приговора, то о таких мелочах, как информация от сотового оператора, и говорить нечего.

Езды до областного центра было полтора часа, но Максим туда и не собирался. Он вышел из автобуса через час, на остановке перед небольшим поселком. Быстро прошел по улицам мимо мрачноватых кирпичных домов, оказался на железнодорожной станции. Купил билет на электричку, дождался поезда, вошел в вагон. Здесь уже можно выдохнуть, ехать придется до конечной, а это часа два. В город, где жил один из бойцов из группы Максима, Пашка Волков. Отличный друг и человек, они были кое-чем обязаны друг другу. Да дело было не только в этом: Максиму нужно было не просто где-то отсидеться, но и уехать как можно дальше от Александрова. Если бы на Новую Землю ходили поезда, Максим, не задумываясь, рванул бы туда и встретил врагов там – хоть в тундре, хоть во льдах Арктики. А в том, что его найдут, Максим был уверен, и следить за

ним будут, только уже не оборзевшие от безнаказанности щенки, а обученные специалисты. Вот и чудненько, поговорим с ними на равных. Но время пока работает на него, и использовать недели и дни нужно с толком. И прежде всего найти того, кто поможет ему одолеть преследователей, ввязываться в драку в одиночку опасно.

Максим закрыл глаза, прислонился к стенке вагона. За всю прошлую ночь поспать удалось часа три, не больше. Все думал, прокручивал в голове план отступления. По легенде, Ленка уехала на море на месяц, и почти две недели уже прошли. Искать ее начнут не скоро, но рано или поздно доберутся и до той глухомани, в которой они сейчас оказались. А у него остается еще примерно месяц, чтобы... Чтобы что? Заставить купленный бандитами суд изменить приговор? Его, правда, еще не огласили, но это можно сделать и заочно. Ладно, главное сейчас – уцелеть самому, от живого, пусть даже пустившегося в бега отца и мужа Ленке и Ваське будет больше пользы, чем от мертвого.

Заснуть не удалось – по вагонам бродили коробейники, громко нахваливали свой товар. Потом прошли побирушки из серии «Мы сами не местные, отстали от поезда» и «Подайте на лечение». Кто-то пел под раздолбанную гитару нетрезвым голосом. И лишь часа через полтора все успокоилось. Пассажиров поубавилось, и перед последним перегонем в вагоне осталось человек десять. Максим посмотрел на часы: ехать еще минут двадцать, не больше. Он почувствовал, как затекли от долго сидения на одном месте мышцы, поднялся, вышел в тамбур. И остановился, едва за ним с грохотом закрылась дверь. На полу, привалившись к дверям вагона, сидел человек. Он скорчился, прижал руки к животу, по светлой толстовке расползлось темное пятно. Максим присел на корточки рядом, осторожно отвел его руки от живота. Точно, проникающее ранение, не глубокое, крови немного, но основательно задета еще и ладонь. Раненый – это был парень лет восемнадцати – видимо, пытался ставить блоки, чтобы закрыться от удара. Максим заставил парня поднять голову, посмотрел на бледное лицо с закушенной нижней губой, несильно хлопнул его по щекам.

– Давай-давай, приходи в себя, – негромко приказал он, и раненый открыл глаза. – Давно тебя? Кто? Ты их видел?

На все вопросы парень только слабо кивал в ответ.

Максим осмотрел его порезанную кисть руки – нанесенный чем-то острым удар пришелся правее и напротив указательного пальца, в середину, в самую

толстую вену на наружной части кисти. Кровь не останавливалась, лилась ровной пульсирующей струей, еще немного, и парень потеряет сознание от кровопотери. Максим попытался прижать артерию на запястье, но это не помогло. Нужен жгут. Максим вытащил из-за спины парня сумку на длинном ремне, выдрал его с корнем, перемотал руку выше запястья и заставил парня сесть.

– Не падай и руку вот так держи, не опускай, – проинструктировал он уже почти потерявшего сознание парня.

Тот кивнул в ответ, прижал здоровой рукой побелевшую кисть раненой руки к груди выше сердца. Максим убедился, что кровотечение остановилось, посмотрел на часы.

– Запомни – сейчас шестнадцать сорок. Врачам скажешь. Слышишь меня?

Парень снова кивнул.

– Молодец, только не забудь, это важно. Ты их видел?

– Да, – хрипло ответил парень, – их двое было. Телефон забрали и деньги. А чтобы не орал, вот... – И снова умолк.

– Описать их можешь? Как выглядят, во что одеты?

Максиму снова пришлось несильно хлопнуть парня по щекам. Время летит быстро, надо попытаться найти этих тварей. Они здесь, в электричке, и тоже выйдут на конечной. Осталось – Максим еще раз посмотрел на часы – меньше пятнадцати минут.

– Один длинный, в куртке джинсовой, серой, и костюме спортивном. Второй – бритый, тоже высокий, кажется. Я его плохо разглядел, он первого прикрывал, – срывающимся голосом описал приметы напавших на него людей парень.

– Молодец. Сиди тут, не двигайся.

Максим поднялся на ноги, открыл дверь между вагонами. Скорее всего нападавшие там, в двух последних вагонах. Максим помнил, что в их вагон давно никто не входил. Максим прошел вперед и оказался в предпоследнем вагоне, посмотрел через стекло двери на пассажиров. Народу немного, кто спит, кто читает, кто в окно смотрит. Нет, здесь эти ребята отсиживаться не будут. Рванут скорее всего в хвостовой вагон, чтобы первыми выскочить на остановке. Максим быстро прошел мимо длинного ряда сидений, на всякий случай рассматривая пассажиров. Никого, похожего по описаниям пострадавшего, не увидел. Перешел в последний вагон, остановился в тамбуре. А здесь вообще – тишина и покой. Никого, вагон абсолютно пуст. Максим вошел в гулкий, продуваемый сквозняками вагон, двинулся вперед. И остановился на середине: в тамбуре впереди кто-то был. Двое, один высокий и тощий, даже костлявый. Второй – тоже длинный, но покрупнее, но не бритый, а очень коротко стриженный. И оба чем-то очень заняты, рассматривают что-то, вырывают из рук друг у друга. Поэтому Максима заметили в последний момент, когда он остановился перед дверью. Опасности они не чувствовали – то ли ума не хватало, то ли не позволяла включенная борзьянка.

– Тебе чего, дядя? – рявкнул тощий. – Вали давай, не пялься!

Максим пропустил его слова мимо ушей, смотрел на рукава серой джинсовой куртки бандита. На темной ткани манжет выделялись темные пятна. Что и требовалось доказать. Вот они, голубчики. Он рванул дверь за ручку, оказался в тамбуре.

– Билетики предъявите.

В ответ раздалось дружное ржание. Максим тоже улыбнулся, сделал шаг вперед и, больше не говоря ни слова, расквасил тощему нос, а бритого от души приложил лбом о вагонную дверь. Первый, в джинсе, закрыл руками лицо и тут же согнулся от удара в живот, хрюкнул, сполз на пол. К нему через пару секунд присоединился второй, оба лежали на дрожащем полу тамбура и поскуливали от боли. Максим врезал каждому ногой по ребрам, чем окончательно их обездвижил, нагнулся, обыскал карманы обоих. У тощего в рукаве джинсовки обнаружилась отвертка – длинная, с остро заточенным плоским наконечником. Максим бросил ее на пол, отшвырнул ногой подальше.

– Уроды, лежите тут и ждите. Я вам сейчас такси вызову. Синенькое, с решетками на окнах.

Максим включил телефон, набрал номер вызова экстренных служб, посмотрел в окно.

– Электричка, походит к конечной станции – восемьдесят третий километр. В третьем вагоне от хвоста – человек с проникающим ножевым ранением и потерей крови. В последнем вагоне – те, кто его порезал. Нужна милиция и «скорая», – быстро, с расстановкой проговорил Максим, на вопросы отвечать не стал. Нажал «отбой», выключил телефон, посмотрел на пол.

Ребятки шевелились, пытались подняться на ноги и непрерывно матерились. Максим от души приложил каждого – кого лбом, кого затылком – о стену. Чисто на всякий случай, для собственного успокоения. Убедился, что оба отключились, отошел в сторону. Ну вот, теперь все правильно. До приезда милиции ребятки будут лежать тихо. За окнами уже мелькали низкие одноэтажные домишки, потянулись бесконечные, покрытые наскальной живописью заборы.

Электричка начала сбавлять ход, остановилась у перрона. Максим ждал перед дверями и, как только они начали расползаться в стороны, просочился между створками, рванул к концу платформы. Спрыгнул на полотно, постоял, прислушался и выхватил из мешанины звуков вой сирен. Максим понадеялся, что это спешат к вокзалу машины компетентных служб. Надо было бы, конечно, вернуться и проверить, в каком состоянии тот мальчишка, но светиться лишний раз незачем. Ничего, все будет нормально, это вам не взрывная травма.

Максим поежился под порывом холодного ветра, застегнул молнию на куртке до подбородка. Все теплые вещи остались на съемной квартире, с собой, чтобы не вызвать подозрения, пришлось взять только самое необходимое. Остальное придется купить. Или попросить в долг у Пашки Волкова, но сначала найти его дом. Вернее, улицу с романтическим названием Болотная. Топать для этого пришлось почти через весь городишко.

Максим шел в ранних осенних сумерках по мрачным грязным улицам, зорко смотрел под ноги, чтобы не оступиться на очередной выбоине. Или не провалиться в лужу. По традиции дорог в городе не было – только направления. Островки асфальта робко выглядывали из-под слежавшейся грязи, кое-где Максим обнаружил даже остатки брусчатки. Из достопримечательностей городок мог похвастаться руинами гигантского завода, огороженными почти не тронутым временем бетонным забором. И огромным количеством в хлам пьяных

граждан – палатки с пойлом расплодились в городке, как поганки после дождя. Больше ничего заслуживающего внимания Максим не обнаружил.

На Болотной он оказался уже в надвигающейся темноте. Уличное освещение традиционно отсутствовало, а прохожие диковато косились на чужака и старались поскорее пройти мимо. Максим немного поплутал среди заборов и канав, провалился-таки в неглубокую лужу и убил минут десять на то, чтобы оттереть ботинки от грязи пучком травы. Максим терпеть не мог грязи, и, пока он приводил себя в порядок, уже окончательно стемнело. Зато нашлась, наконец, нужная улица. Из-за калиток гавкали псы, и, судя по голосу, это были не мелкие шавки. Пашкин дом оказался предпоследним – дальше в темноту простирался пустырь с вышками ЛЭП и ведущей неведомо куда кривой дорогой. Максим остановился перед калиткой, подпрыгнул, посмотрел за забор. В доме светилось два окна, слышались звуки музыки и смех – это работал телевизор. Максим несколько раз грохнул кулаком по деревянной створке и отступил назад. Ответом был собачий лай, но тонкий и неуверенный – щенячий. Затем скрипнула дверь и кто-то неторопливо двинулся к калитке. Максим, не обращая внимания на собаку, посмотрел в щель между досками – от дома по дорожке двигался человек. Он старался идти быстро, но оступался, ругался сквозь зубы. И опирался на палку, было видно, что она мешает ему, но и без опоры передвигаться человек не мог. «Это его отец». Максим приготовился назвать себя и объяснить, когда и при каких обстоятельствах встречался с Пашкой.

– Кто? – рывкнули из-за калитки, и Максим сразу понял, что длинная речь отменяется.

– Капитан Логинов, – негромко ответил он, и калитка тут же распахнулась.

– Командир! – Пашка лыбился во весь рот. – Какими судьбами? Только недавно тебя вспоминал, да и не только тебя! Давай,ходи! – Он неловко отступил в сторону и чуть не упал, но Максим успел схватить его за рукав свитера.

– Давай, пошли скорее, с папашей своим тебя познакомлю! – Пашка орал чуть ли не во все горло, но такая огласка для Максима сейчас была лишней.

– Ты с отцом живешь? – спросил он, пока шли к дому.

– Ну да! Кому я еще без ноги нужен? Да вот этот еще прибился. – Пашка махнул рукой куда-то в темноту.

Там крутился беспородный щенок-подросток – черный, с белыми лапами и таким же пятном на голове. Он несмело тявкал на незнакомца и сразу шарахался назад, поджав хвост.

– Не помогла операция? – уточнил свои предположения Максим, и Пашка закивал согласно:

– Нет, там денег кучу ввалить надо было, квот не было, конец года. А откуда у меня такие деньжищи? Боевые только через полгода после операции отдали, уже поздно было. Я на них тут кое-чего отремонтировал, крышу, там, стены утеплили. Живем зато как люди, зимой не дует. И воду провели.

Максима поразило, как сослуживец спокойно, даже равнодушно относится к тому, что стал калекой. Но промолчал, вошел следом за Пашкой в дом.

Тогда, во время той злополучной засады, вернее, не засады, а непонятно чего, Пашку сбила та самая зеленая «Нива». Хорошо, хоть боец успел откатиться в сторону, пока Максим бежал наперерез автомобилю. Пашка и начал стрельбу, когда увидел, как открывается на ходу дверь «Нивы». Обычно после этого из движущегося транспортного средства по преследователям открывался огонь из пулемета или другого стрелкового оружия. Так что Пашка все сделал правильно, даже умудрился не потерять сознание. Отключился минут через пятнадцать, когда все уже закончилось. Тащить его пришлось на себе, транспорта не было. Сложный перелом со смещением, инфекция, неправильно сросшиеся кости – и вот результат. Здоровенный тридцатилетний мужик еле-еле передвигает ноги. Вернее, ногу. Вторую ему заменяет палка.

– Протез-то хоть нормальный сделали? – спросил Максим уже после того, как познакомился с отцом Пашки, осмотрел их жилище. Ну, и после неременной «за встречу».

Старик быстро отпал, ушел спать, поэтому команду «Отбой» Пашке и Максиму дать было некому. Они сидели в небольшой кухне, хоть и время было уже хорошо за полночь.

– Да, на это хватило, – ответил Пашка, – немецкий, по моей мерке делали. Я хоть ходить как человек теперь могу, а в том, который бесплатно дали, чуть не сдох. Боль зверская, нога отекает, ремни уродские кожу до крови стирали. А в этом – хоть снова на «выход». – Пашка даже рассмеялся своей шутке.

Максим не перебивал друга, больше смотрел и слушал. Пашка остался таким же, как и раньше, – такой же высоченный, очень коротко стриженный, на щеке, когда говорит, появляется «черточка». И взгляд прежний – чуть исподлобья, но улыбается. А еще Максиму казалось, что у Пашки вместе с половиной левой ноги отрезало еще и часть натуры, которая отвечала за взвешенность, степенность, безразличие. Не стало в нем «середины», остались только яркие всплески эмоций, крайности: либо хохочет, либо грустит, третьего не дано. А ведь был вечно хмурый, словно недовольный, слова лишнего не вытянешь. Но хитрый, наблюдательный – все видел, замечал и выводы делал правильные. И своевременные. Впрочем, других в группе Максима не было и быть не могло. Отбор производился самопроизвольно, фильтровала людей обстановка и их способность приспособиться к ней и уцелеть. Пашка допил остатки водки из стопки, скривился, выдохнул. И проговорил сдавленным голосом:

– Ну, теперь ты давай колись – что там у тебя? Ты ж ко мне не просто так, от нечего делать, в гости пожаловал. – И прислонился к стене, прикрыл глаза.

– Не просто, – согласился Максим и рассказал обо всем, что довелось пережить ему и его семье за последний месяц. Даже о гибели несчастной Феклы не умолчал. Выложил все как есть и умолк.

– Нет, вот же суки! – взорвался Пашка. – А эта тварь где, которая тебе приказывала?! Где она, я тебя спрашиваю?!

– Никто не знает. Уволился почти два года назад, уехал куда-то, – ответил Максим. И решил, что с выпивкой пора заканчивать – Пашка разошелся не на шутку.

Он был на полголовы выше Максима, в одиночку справиться с ним в случае чего будет сложно. Максим на всякий случай подвинул бутылку поближе к себе, а потом, пользуясь тем, что Пашка отвлекся, вообще убрал ее под стол.

– Что значит «никто не знает»? Он без вести пропал и справка есть?! Или свидетельство о смерти? Кто его видел? Ах, никто! Паскуда лысая! – в гневе Пашка решил, что подставивший их группу полковник обязательно должен быть лысым.

– Вот то и значит. Я за всех отдувался – за него и за себя. Да тут даже и не в полковнике дело. Ведь присяжные меня оправдать были готовы, когда этот главарь их приехал. И всех купил – вот в чем главный ужас.

– Всех, кроме тебя. – Пашка посмотрел на стол, нахмурился. Натюрморт был неполон, исчезла важная составляющая, и Пашка силился вспомнить, когда это произошло.

Максим сделал вид, что ничего не замечает.

– Вот такие дела, Павел Волков. Я у тебя дня два пережду, если ты не против.

– Чего тут спрашивать, сиди здесь сколько хочешь. Тебя тут ни одна собака не найдет. Если что – лес рядом, – махнул рукой себе за спину Пашка, – удрать успеешь. Только кажется мне, что долго ты так не пробегаешь. Ты же теперь как партизан, на нелегальном положении. – Пашка засмеялся, улыбнулся и Максим.

– Лучше уж так, чем у них... Ну, ты меня понял. Время надо, чтобы легализоваться, время. Попартизаню чуток, от меня не убудет, – добавил он.

– Слушай, а давай им меня предъявим, – предложил вдруг Пашка. – Ногу мою, вернее, то, что от нее осталось. Пусть родственнички их полюбуются, во что человек превратился, а? Да мне «Нива» та до сих пор в кошмарах снится – я падаю, ты бежишь, а дверца задняя у машины открывается. Ты ни черта не видишь, я автомат поднимаю, а его заклинило, стрелять не могу, прикинь! – Пашка алчно потер руки. – Компенсацию потребуем, разбогатеет! Ты квартиру купишь, я... – И замолчал, не договорил под взглядом командира.

– Давай предъявим, – тихо, даже безразлично ответил Максим, – и посмотрим, кто из нас дольше проживет потом. Думаю, что нас даже до конечного пункта не довезут, по дороге прикончат. Хотя – нет, вряд ли, довезут, это я погорячился. Живыми и даже здоровыми. А вот там все веселье и начнется, после того как неподкупные судьи правильно поймут волю своего народа.

– Все, извини, я понял, – согласился с командиром Пашка. – Прав ты, все как надо сделал. Слили тебя, чего уж тут, да и не только тебя. Нас всех как в дерьмо мордой окунули. Ты ж приказ выполнял, а не погулять туда вышел. Ну, и мы заодно. Ладно, спать давай что ли.

Он потянулся к палке, попытался подняться на ноги, но оступился, чуть не улетел под стол. И толкнул ногой недопитую бутылку, она звякнула жалобно, покатилась по полу.

– О, да тут еще осталось. – Пашка, сидя на полу, подхватил емкость, посмотрел через нее на тусклую лампочку под низким потолком. – Давай допьем и по норам. А то не по-русски как-то получается.

Пришлось допивать. А то и правда хрень какая-то получается – два здоровых мужика поллитру на двоих осилить не могут. Непорядок.

Максиму отвели отдельную комнату, Пашка спал в соседней. Отец его жил в пристройке – на ее обустройство и ушли почти все деньги, полученные Пашкой после увольнения из армии. Каждый действительно оказался в своей норе. Максим, когда улегся наконец на диван, вздохнул с облегчением. Больше всего он боялся причинить неудобство своим внезапным приездом, стеснить или потревожить семью Пашки. Но получилось все как нельзя лучше, и, для того чтобы отсидеться первое время после «исчезновения», лучшего места было не найти. Длинный день закончился, и Максим прикинул, уже засыпая, сколько километров составил его сегодняшний маршрут. По примерным прикидкам получилось, что больше двухсот, правда не по прямой. «Бешеной собаке семь верст не крюк», – вспомнилась пословица. Максим улыбнулся своим мыслям и заснул.

Утро оказалось добрым, последствий «вчерашнего» ни у кого не наблюдалось. Максим рассматривал ворох лежащего на диване барахла, Пашка притащил еще охапку шмотья, бросил на подушки, уселся рядом.

– Выбирай, – широким жестом предложил он, – мне это уже точно не понадобится.

Максим выбрал прекрасно сохранившуюся полевку, пару свитеров и теплую куртку. Обувь и еще кое-что по мелочи придется купить – холодало стремительно, Максим уже успел в этом убедиться. Как проснулся, первым вышел во двор, постоял на крыльце и быстро спрятался в дом – ветер задувал ледяной, настоящий осенний.

– Где тут у вас обувь купить можно? – Максим натянул свитер, чуть подогнул рукава, брюки тоже пришлось подвернуть.

– Красавец, – резюмировал Пашка и поднялся на ноги. – Пошли провожу.

– Да ладно, я сам дойду, – попытался отказаться Максим, но друг его не слушал.

– Пошли, пошли. Я уже дома обалдел сидеть, хоть на людей посмотрю. Я ведь только в пенсионный иногда выбираюсь и в военкомат, но это редко. И на комиссию, чтобы инвалидность не сняли.

– Зачем? – поразился Максим его словам. – Ее что, отобрать могут?

– Запросто. – Пашка одевался и говорил одновременно. – В нашей стране считается, что у человека оторванная рука или нога за год может вырасти обратно. Как хвост у ящерицы. Да ладно, я уже привык.

Вышли, закрыли за собой калитку. Пашка прикрикнул на сунувшегося за ними щенка, и тот спрятал белолобую башку в щель между досками. Максим шел следом за Пашкой по обочине и смотрел то себе под ноги, то на бредущего впереди товарища. Грязь на дороге непролазная, асфальта нет и в помине – яма на яме и ямой погоняет. Шли по мокрой траве мимо заборов, кое-где приходилось прижиматься к ним вплотную, чтобы обойти очередную грязную лужу. Максим смотрел на свои перемазанные ботинки и вздыхал. Впрочем, скоро положение улучшилось – дорога оказалась щедро усыпанной щебнем, а заборы и дома за ними – выше. Уровень благосостояния живущих здесь граждан рос на глазах – по мере того, как Пашка и Максим приближались к центральным улицам городка. Максим оттирал от грязи обувь, Пашка сначала терпеливо ждал, потом не выдержал:

– Ты как кошка. В лужу наступишь, потом лапы полчаса отряхиваешь.

– Тогда уж как кот, – парировал Максим и снова вспомнил несчастную Феклу.

Добрались наконец до торгового центра – двухэтажного строения, бывшего когда-то центральным универмагом. Пашка уселся в кафешке на первом этаже, Максим отправился за покупками. Выбирать не приходилось: бюджет ограничен, еще неизвестно, сколько придется партизанить. Максим выбрал самые прочные на вид спортивные ботинки, купил еще кое-что по мелочи и спустился вниз.

– Рынок у вас тут есть? Или магазин продуктовый попроще? – спросил он Пашку.

– Рынок вон, рядом. А тебе зачем? Все и так есть.

Но Максим нахлебником быть не собирался.

– Пошли, покажешь, – распорядился он и двинулся к дверям, пропустив Пашку вперед.

Прошли через площадь, двинулись между торговых рядов.

– Да не надо, не надо, – зудел позади Пашка, но Максим его не слушал.

Надо запастись продуктами, чтобы подольше не светиться в городе. Город небольшой, все друг друга в лицо знают, и любой новый человек привлечет внимание местных. А кто будет ходить по магазинам? Пашка со своей палкой? Он и так два раза чуть не упал в той жуткой каше, по которой пришлось пробираться к дому. Отец Пашки? Он тоже еле ползает, да и со зрением у старика неважно. Два пластиковых пакета наполнились быстро, Максим отмахнулся от сунувшегося помочь тащить покупки Пашки, направился к выходу.

Обратный путь занял почти полтора часа. Максим видел, что Пашка устал, но виду не подает и идти старается быстро. Пришлось принаравливать под его шаг, топтать с набитыми продуктами пакетами позади. Когда добрались наконец до дома, отец Пашки попытался «рассчитаться» с Максимом, даже вытащил кошелек. Со стариком спорить Максим не стал:

– Хорошо, отец, только давай потом, ладно? Когда уезжать буду.

Дед сразу согласился, Пашка отвернулся и негромко фыркнул. Максим же в этот момент подумал, что скорее всего уезжать он будет, как и в предыдущий раз, по-английски.

Вечером они стояли на крыльце. Пашка курил, Максим «общался» с выбравшимся из будки щенком. Тот таявал на незнакомца, делал вид, что собирается укусить. Максим хлопал в ладоши перед носом щенка, и тот отскакивал назад. В соседнем, по виду заброшенном, доме в окнах мелькнул луч фонарика, Максим резко выпрямился, всмотрелся в темноту.

Пашка отреагировал спокойно, бросил окурок в банку, пояснил:

– Наркоши местные. Что-то давненько не видел. Тут точка с наркотой недалеко была, прикрыли ее недавно. А они по старой памяти сюда сползаются...

– Тебя не трогают? – спросил Максим, не отводя взгляда от подозрительного дома.

– Нет пока. Да у меня есть чем их встретить, – загадочно ответил Пашка.

Перед тем как лечь спать, Максим долго крутил в пальцах выключенный мобильник. Надо позвонить Ленке, спросить, как они там без него. Да и она уже наверняка звонила, и не раз. Но сейчас нельзя. Пока нельзя. Позже он обязательно найдет способ поговорить с женой.

Два дня прошли спокойно. Максим изучал окрестности, выбирал удобный путь к отступлению. Но выбирать особо было не из чего – сразу за пустым домом на обочине дороги стоял знак границы города. Дальше простирался пустырь, на горизонте маячили верхушки деревьев. И хорошо слышался грохот колес поездов – «железка» проходила километрах в полтора от дома.

– Поздравляю, капитан, ты сегодня прославился, – такими словами встретил Пашка Максима после очередной прогулки.

– В смысле? – не понял Максим.

– В розыск тебя объявили, в федеральный. Только что в новостях сюжет был. Ты же на судебные слушания не явился? Пострадавших показали – орут, визжат, только что не плюются. «Сами найдем», – орут. А мужик какой-то, из ихних, вообще отмочил: «Сбежав, этот человек показал всему миру, что он знает, что виновен»! Нормально, да?! И про вознаграждение что-то вякнул, так, походя.

Максим слушал молча. Первой была мысль о том, видела ли этот сюжет Ленка. А если видела, то что подумала и что попыталась сделать. Позвонить мужу, конечно. И не дозвонилась. И тут же подумал, что надо уходить – подставлять Пашку и его отца Максим не мог. Но Пашка, помимо многих других своих талантов, умел еще и читать мысли:

– Даже не думай, командир. Тут тебя никто не найдет. По сторонам посмотри – нет никого, только я да папаша мой. От нас точно никто ничего не узнает, а по лесам ты долго не пробегаешь. Зима, между прочим, скоро.

– Ну да, – Максим сделал вид, что согласился с ним, а Пашка продолжал кипятиться:

– Нет, что вообще происходит? Кто в войне победил – мы или они?

– Они, конечно, – не задумываясь, ответил Максим. Посмотрел на вытаращившего глаза Пашку и продолжил: – Самым явным свидетельством результатов любой войны является поведение населения в тех местах, где она прошла. Если война выиграна, то увеличивается доля представителей победившей стороны – в качестве чиновников, колонистов, экономических мигрантов, старающихся извлечь выгоду из победы соплеменников. Если война проиграна, проигравшие уходят. Как ушли французы из Алжира, как уходят белые из Южной Африки. А там... Да ты и сам все знаешь...

Пашка из слов командира понял в лучшем случае половину, но суть уловил: их продали еще раз. Тогда, бросив в центре бездарно организованной спецоперации, и сейчас. И при малейшем удобном случае сделают это в третий раз и в четвертый...

– Суки, – бессильно выдохнул Пашка, – вот же суки... Ладно, пошли поедем что ли. Папаша там супец сварил.

Максим двинулся за другом в дом и, пока обедали, все прикидывал, пытался предположить хотя бы приблизительно, когда ему уходить. Сегодня или подождать еще немного? Но все решилось само собой. День и ночь прошли спокойно, а утром у Пашкиного отца начался приступ астмы. Все обошлось, старик отдышался, лежал на кровати в пристройке и, кажется, заснул. Пашка посидел рядом с отцом, потом вышел в коридор, принялся натягивать ботинки.

– Далеко собрался? – поинтересовался у него Максим.

– Лекарство закончилось, надо в аптеку сходить, – ответил тот, возясь с непослушными шнурками.

– Я схожу, ты лучше с ним посиди. – Максим оделся, направился к входной двери.

– Ты ничего не забыл? – спросил Пашка. – Кого-то из нас в розыск объявили. И, по-моему, не меня.

– Помню я все, – ответил ему Максим, – помню. Чего тут идти? Пятнадцать минут – делов-то. Говори лучше, как лекарство называется.

– В центральную аптеку иди, оно там всегда есть. – Пашка смирился с решением командира, поднялся, опираясь на палку. И добавил, уже у калитки, придерживая за шкурку рвущегося следом за Максимом щенка: – Ты там поаккуратнее, не светись особо. Купил и сразу назад. Деньги возьми. – И протянул Максиму купюру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/moroz_nikolay/lovushka-dlya-tigra

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)